

На правах рукописи

Турыгин Александр Александрович

**ПАНГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ И ФОРМИРОВАНИЕ
ИМПЕРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НЕМЕЦКОЙ НАЦИИ**

Специальность: 5.6.2. – Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

доктора исторических наук

Брянск 2026

Работа выполнена на кафедре истории Института гуманитарных наук и социальных технологий ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»

Научный консультант:

Артамошин Сергей Викторович
доктор исторических наук, профессор

**Официальные
оппоненты:**

Черноперов Василий Львович
доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
университет», кафедра всеобщей истории и
международных отношений, профессор

Терехов Олег Эдуардович
доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный
университет», кафедра всеобщей истории и
международных отношений, профессор

Ланник Леонтий Владимирович
доктор исторических наук, доцент, ФГБУН
Институт всеобщей истории РАН, лаборатория
институциональной истории XX века, ведущий
научный сотрудник

Ведущая организация:

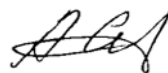
ФГАОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»

Защита диссертации состоится «28» декабря 2026 года в 11 часов на заседании Диссертационного совета 99.2.048.02 при ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» по адресу: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, корп. 3, ауд. № 200.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Брянского государственного университета по адресу: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14 и на сайте: <https://brgu.ru/science/aspirantura/nashi-zashchity/TuryginAA/>

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Учёный секретарь диссертационного совета

А. В. Сагимбаев

Общая характеристика исследования

Актуальность темы обусловлена несколькими определяющими факторами. Во-первых, исследование деятельности Пангерманского союза, существовавшего на протяжении трёх наиважнейших эпох немецкой истории, позволяет глубже понять истоки и эволюцию ультраправых и националистических идеологий, оказывающих значительное влияние на современную политическую ситуацию в Европе и за её пределами. Пангерманский союз, как один из наиболее влиятельных рупоров немецкого национализма конца XIX – начала XX вв., представлял собой своеобразную лабораторию, в которой формировались и апробировались концепции, впоследствии воспринятые и развитые другими радикальными движениями. Несмотря на то, что Пангерманский союз прекратил своё существование в 1939 г., его идеологическое наследие продолжает оказывать ощутимое влияние на современный политический ландшафт Германии, а также на общеевропейские и мировые процессы. Это вынуждает государство приносить официальные извинения, а часто соглашаться на финансовые обязательства, например, за «колониальные эксперименты», пропаганду расизма и внутреннюю сегрегацию или за акты открытого насилия по отношению к национальным меньшинствам. В последние годы наблюдается рост популярности националистических партий и общественных объединений в Германии и в Европе в целом. Идеи, лежащие в основе их программ, такие как национальная исключительность, критика иммиграционной политики и евроинтеграции, имеют глубокие корни в идеологии пангерманизма и национал-социализма. Изучение истории Пангерманского союза позволяет проанализировать, как на протяжении десятилетий эти идеи формировались, распространялись и укреплялись в массовом сознании, а также интегрировались в национал-социалистическую идеологию.

Немецкая пресса не раз подчёркивала, что хотя современные правые партии не идентичны Пангерманскому союзу, но всё же используют похожие риторические приёмы, манипулируя страхами утраты национальной идентичности и разжигая ксенофобию, особенно в кризисные моменты. Миграционный кризис служит фоном для косвенных отсылок к пангерманским идеям. Правые критики миграционной политики часто апеллируют к концепции *Leitkultur* («ведущей культуры»), подразумевая необходимость сохранения немецкой культурной идентичности перед лицом притока мигрантов¹. В оценках миграционной политики более умеренной центристской прессы также часто фигурируют упоминания о Пангерманском союзе как организации, защищавшей «германство» от внешнего влияния, даже если такое сравнение прямо не проводится. Подобные упоминания носят критический характер, предостерегая от

¹ Scherf M. Immer wieder diese Leitkultur-Debatten, wem nützt das? // Süddeutsche Zeitung, 31. Oktober 2025; Bartels G. Merz will wieder eine Leitkultur CDU und AfD sind sich kulturpolitisch recht nahe // Tagesspiegel, 07. Februar 2025.

повторения ошибок прошлого и напоминая об опасностях радикального национализма².

Во-вторых, изучение истории Пангерманского союза необходимо для анализа механизмов формирования коллективной идентичности и мобилизации масс на основе националистических лозунгов. Опыт Пангерманского союза демонстрирует, как конструировались и распространялись мифы об исключительности нации, как выстраивался механизм манипуляции общественным сознанием за счёт коллективных страхов, как эксплуатировались исторические травмы и геополитические амбиции для достижения политических целей. Понимание этих процессов важно для разработки эффективных стратегий противодействия радикализации общества и предотвращения внутренних конфликтов, в том числе на национальной почве.

Интерес к концепциям национальной идентичности у пангерманцев, часть из которых вместе с председателем Г. Классом пережила Вторую мировую войну и в целом безболезненно интегрировалась в послевоенное общество ФРГ, продиктован потребностью осмысления правых консервативных идеологий в Германии со второй половины XX века вплоть до начала XXI века. В этом отношении диссертация актуализирует возможную исследовательскую перспективу. Так, на фоне наметившейся после Второй мировой войны тенденции к немецкому единству, консервативные круги ФРГ предложили вариант хрупкого консенсуса не на основе идеологии или формы государства, которых стало два (ГДР и ФРГ), а на основе хрупкой национальной идентичности с её общегерманскими культурно-историческими ценностями. Между модернизмом США и материализмом СССР выбор был сделан в пользу средневековой Германии, её духовных, а не материалистических объединяющих основ. В этой связи отказ консерваторов от популярной после войны идеи интеграции был оправдан тем, то в ней экономические интересы были провозглашены объединяющей силой. Результатом дискуссий стала концепция *Abendland* («страна заката»; «западная цивилизация»), предложенная во второй половине XX в. группой консервативных философов, а в начале XXI в. занявшая видное место в риторике и программных документах партии «Альтернатива для Германии».

В-третьих, история Пангерманского союза позволяет выявить закономерности взаимодействия между политическими элитами, общественными организациями и средствами массовой информации в процессе формирования общественного мнения и продвижения определённой политической повестки. Анализ формирования пропагандистских кампаний и связей Пангерманского союза с различными политическими силами представляет собой ценный материал для изучения манипуляционных технологий и механизмов влияния на политические процессы. Пангерманский союз активно использовал печатные издания, публичные выступления и культурные мероприятия для формирования общественного мнения и мобилизации сторонников. Изучение его информационно-коммуникационных методов – от создания мифов о «великом

² Conze E. Wilhelms Reich in neuem Glanz // Die Zeit, 9. Januar 2021; Wildt M. “Auch der AfD schwebt Ausschluss und eiskalter Sozialdarwinismus vor” // Die Zeit, 4. Februar 2024.

прошлом» до демонизации «врагов» — позволяет анализировать современные формы агитации и пропаганды. В условиях цифрового и информационного общества, характеризующегося высокой мобильностью, скоростью распространения информации и возможностью манипулирования общественным мнением, изучение опыта Пангерманского союза приобретает особую актуальность.

Манипуляция голосами широкой публики со стороны закрытой когорты современных профессиональных политиков и лоббистов, которые мыслят категорией «национального», оставаясь при этом приверженными старым концепциям национального государства, по мнению Ю. Хабермаса, подменяет классически либеральное участие граждан в обсуждении и принятии политических решений³. Как сторонник евроинтеграции он видел угрозу со стороны правых общественных и политических сил, которые стремятся сдержать прогресс и вернуть государства к их прошлому состоянию, когда политическая власть вне зависимости от режима принадлежала элитам. Сто лет тому назад Пангерманский союз добивался элитарного правления. С этой целью он разработал общенациональный исторический нарратив, который был представлен широкой аудитории в форме мифа о происхождении нации. Такой миф процветал за счёт недостатков историописания. Он восполнял потребность в однозначном происхождении, чётких классификациях и фиксации на исторической преемственности, с помощью которых история упрощалась и/или фальсифицировалась и становилась доступной широкой аудитории. Генерирование мифов, встраивание их в общенациональный нарратив, а также разработка специальных приёмов, укреплявших веру в них, всегда были целью немногих, тех, кто «формировал образ нации, который являлся частью их образа себя; преимущества, ценность и смысл нации принадлежали им самим»⁴. Подтверждения этому тезису в отечественной истории можно найти на постсоветском пространстве, когда речь заходит о национальных элитах, пришедших к власти после распада СССР и сохранивших свои позиции вплоть до современности. Следовательно, изучение роли элит при национализме в прошлом и настоящем не утратило актуальности, по-прежнему представляя собой перспективное исследовательское направление.

Степень изученности темы

Систематизация историографии в рамках темы диссертационного исследования представляет сложность из-за наличия большого количества трудов, посвящённых национализму и пангерманизму; очень часто они излишне идеологизируют и упрощают историю Пангерманского союза. Это происходит в связи с тем, что оба понятия рассматриваются довольно широко и охватывают гораздо больший временной период, чем история существования самого Пангерманского союза. Кроме того, исследования по национализму и пангерманизму часто преподносятся либо в слишком редуцированной историко-

³ Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. М., 2012.

⁴ Elias N. Studien über die Deutschen. Machtkämpfe und Habitusentwicklung im 19. und 20. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1990. S. 196–197.

сравнительной перспективе, либо в национальных контекстах, как, например, пангерманизм в австрийских или чешских землях. Так, исследования Р. Ашера или М. Биркоха доказывают влияние американского филиала Пангерманского союза на интеграционные дебаты в конгрессе начала XX века, процессы расовой сегрегации, противодействие ассимиляции немецких эмигрантов и на распространение прогерманского мышления⁵. Между тем, исследования по истории австрийского пангерманизма связывают возникновение пангерманизма вовсе не с Германией и Пангерманским союзом, а с Австро-Венгрией, при этом его интерпретации методично повторяют обоснование преэсущественности «реакционной и расистской идеологии» с момента её зарождения до Третьего рейха⁶. На примере национальных движений поляков, чехов и славян в Германской и Австро-Венгерской империи пангерманизм довольно часто преподносится через идею фронта, некоего «подвижного пограничья» между германским и славянским миром⁷. С этой точки зрения, пограничное сосуществование пангерманизма и панславизма объясняется поддержанием взаимных обвинений и формированием с обеих сторон представлений о захватнической природе противостоящих идеологий, что вместе с тем позволяет считать пангерманизм и панславизм стимулом для внутренней интеграции⁸. Однако в современной историографии встречается ряд исследований, в которых пангерманизм рассматривается через призму национальной идентичности⁹.

⁵ Usher R. G. Pan-Americanism: A Forecast of the Inevitable Clash Between the United States and Europe's Victor. New York, 1915; Bierkoch M. Alldutsche in den USA. Die New Yorker Ortsgruppe im frühen 20. Jahrhundert. Berlin, 2019.

⁶ Ратнер Н. Д. Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М., 1970; Schnee H. Georg Ritter von Schönerer. Ein Kämpfer für All-Deutschland, mit ausgewählten Zeugnissen aus Schönerers Kampfzeit für deutsche Einheit und deutsche Reinheit. Reichenberg, 1941.

⁷ Павленко О. В. Панславизм. Реальный и воображаемый. 1830–1860-е гг. М., 2023; Романенко С. А. Национальные движения южных славян Австро-Венгрии 1890–1918 гг.: дисс. ... доктора исторических наук. М., 2013; Седова Н. В. Чешский вопрос в период кризиса монархии Габсбургов: 1909–1914 гг.: дисс. ... кандидата исторических наук. М., 2004; Трайнин И. П. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и её распад. М., 1963; Матвеева А. Г. Польская политика Германии в 1890–1894 гг.: дисс. ... кандидата исторических наук. М., 2000; Цимбаев К. Н. Славянский вопрос в немецкой политической мысли начала XX в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1 (17). 2015. С. 42–63.

⁸ Волков В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 25–69; Будилович А. С. Пангерманизм и панславизм // *Славянское единство*. М., 2014. С. 130–136.

⁹ Баченина В. В. Пангерманское движение Г. фон Шёнерера и национальная идентичность австрийских немцев в 1873–1907 гг. Екатеринбург, 2023; Её же. Влияние концепции свободы австрийских пангерманистов на формирование национальной идентичности австрийских немцев в конце XIX – начале XX в. // Свобода на все времена: вечные ценности в мире ограничений и запретов в Центральной Европе и сопредельных регионах XVIII–XX вв. М., 2023. С. 9–10; Её же. «Из Австро-Венгрии в Германскую империю»: коммуникативный подход и анализ идентичности австрийских пангерманистов Г. фон Шёнерера в Австро-Венгрии в конце XIX в. // *Imagines Mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Германика*. 2024. Вып. 2. № 14. С. 47–58; Müller T. Imaginierter Westen: das Konzept des

Довольно сложным и не всегда целесообразным выглядит намерение изучить Пангерманский союз в контексте истории пандвижений. Такого рода исследования отдают предпочтение выявлению общих признаков пандвижений, где сами они трактуются в соответствии с тем или иным подходом: как стихийные и дестабилизирующие (Н. Смелзер, Г. Блумер, Д. Гасфилд), как мобилизующие, организующие общественные группы (Д. Маккарти, Ч. Тилли) и как восполняющие потребность в идентичности (А. Турен, А. Мелуччи)¹⁰. Ряд авторов рассматривает пандвижения в связи с идеологией, поскольку в них произошло «слияние интеллектуального и политического» (О. В. Павленко, А. А. Григорьева, Д. И. Полывянный)¹¹. Геополитические интерпретации пандвижений обосновывают их преимущественно с универсалистской (надгосударственной) и экспансионистской точки зрения, отдавая приоритет рассмотрению общей системы международных отношений в тот или иной период времени (Л. фон Мизес, К. Хаусхофер)¹². С историко-лингвистической точки зрения пангерманизм и вовсе является частью более масштабного феномена: как часть племенной общности германских народов Раннего Средневековья, пангерманизм, как, впрочем, и пананглицизм, является производным от пантевтонизма¹³. Это мнение принадлежит Э. Деккерту, который, сравнивая пангерманизм с панславизмом, заметил, что к возникновению обоих явлений привела неудовлетворённость национальным сознанием, которое казалось слишком узким. Вместо этого общество склонялось в сторону более широкого племенного сознания, обращённого не к гражданским правам, а к истории и языку¹⁴. Интересной кажется отсылка к тому, что пангерманизм и панславизм гораздо меньше интересовались друг другом, чем это преподносилось публике, но вместе с тем с большим раздражением реагировали на любые попытки взаимопроникновения¹⁵.

Исследования национализма, особенно радикального национализма в Германской империи конца XIX – начала XX века, также несут на себе отпечаток редукционизма и воспроизводят некоторые клише относительно роли в нём Пангерманского союза. В трудах Г. Кона, О. Данна, Х. Арендт, М. Манна, Г.–У. Велера Пангерманский союз рассматривается на фоне реакционного «организованного национализма» 1880–1890-х годов, который, будучи новой версией национализма, радикализировал его, привнеся новые антисемитские,

“deutschen Westraums” im völkischen Diskurs zwischen Politischer Romantik und Nationalsozialismus. Bielefeld, 2009.

¹⁰ Здравомыслова Е. А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993.

¹¹ Полывянный Д. И. Идеи и практики панславизма в Российской империи и в монархии Габсбургов. Рец. на кн.: Павленко О. В. Панславизм реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М., 2023. 404 с. // Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 171–177.

¹² Мизес Л. фон. Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война. Челябинск, 2006. С. 186–196; Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // Регион и мир. 2016. № 2. С. 85–92.

¹³ Deckert E. Panlatinismus, Panslawismus und Panteutonismus in ihrer Bedeutung für die politische Weltlage. Ein Beitrag zur europäischen Staatenkunde. Frankfurt am Main, 1914. S. 28.

¹⁴ Ibid. P. 4.

¹⁵ Ibid. P. 19.

расистские и экспансионистские идеи¹⁶. Иного мнения придерживаются С. Малиновский, Б. Хофмайстер, Э. Алими и др., выразившие скепсис по поводу общей радикализации германского национализма и соответственно предложившие рассматривать радикализацию с точки зрения динамики изменений ценностных и смысловых ориентаций отдельных организаций¹⁷. По мнению исследователей, термины «радикальный» и «радикализация» давно используются в качестве общепринятых интерпретационных рамок в исторических и социальных исследованиях для анализа политического насилия, идеологий физического уничтожения и исключения этнических, социальных или политических групп. Однако семантически термин «радикальный» относится к нормативным ценностям отдельных акторов или групп. По этой причине под «радикализацией» целесообразнее рассматривать реляционный процесс, позволяющий исследовать динамику мировоззрения и политических действий в периоды фундаментальных политических, социальных и культурных потрясений.

Похожей точки зрения об идеологии радикального национализма в деятельности конкретных организаций, как, например, в Пангерманском союзе, придерживается П. Валькенхорст в своём комплексном исследовании радикального национализма в Германской империи¹⁸. Вслед за новейшими исследованиями он понимает радикальный национализм как культурный конструкт, постоянно подверженный историческим изменениям. Исследователь расшифровывает интерпретационные модели, лежащие в его основе, а также убедительно показывает, как экспансия, колониальный энтузиазм, дискурсы о культурной миссии германства, которые больше не ограничивались исключительно национальным государством, привели к формированию радикально-националистических объединений. В своём исследовании П. Валькенхорст проанализировал, как понятия о нации и народе, часто используемые в качестве синонимов, трансформировались в основную интерпретационную схему для радикальных националистов, особенно после слияния с расистскими и биологическими идеями, возникшими в конце XIX века. П. Валькенхорст пришёл к выводу о том, что влияние радикального национализма на государственную политику оставалось ограниченным, однако его воздействие на мировоззрение немцев и в целом на политическую культуру Германской

¹⁶ Kohn H. Nationalism. Its Meaning and History. New York, 1982; Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland 1770–1990. München, 1993; Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996; Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. М., 2002. С. 381–409; Wehler H.-U. Nationalismus: Geschichte, Formen, Folgen. München, 2001.

¹⁷ Malinowski S. Vom König zum Führer sozialer Niedergang und politische Radikalisierung im deutschen Adel zwischen Kaiserreich und NS-Staat. Berlin, 2003. S. 18–19; Hofmeister B. Weltanschauung, Mobilisierungsstrukturen und Krisenerfahrungen. Antisemitische Radikalisierung des Alldeutschen Verbandes als Prozess 1912–1920 // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. 24. Berlin, 2015. S. 119–123; Alimi E., Demetriou C., Bosi L. Radicalization. A Relational and Comparative Perspective. Oxford, 2015. S. VII–VIII.

¹⁸ Walkenhorst P. Nation–Volk–Rasse. Radikaler Nationalismus im Deutschen Kaiserreich 1890–1914. Göttingen, 2007.

империи было гораздо шире. Кроме того, исследование П. Валькенхорста показало, что, с точки зрения компаративистики, немецкий радикальный национализм был менее интегрирован в партийную политику, чем его английский аналог, в то время как французскому национализму, напротив, не хватало экспансионистского напора.

Историография Пангерманского союза насчитывает большое количество работ, специфика которых часто соотносится с национальными, идеологическими, хронологическими и проблемными контекстами. Для успешного решения задач исследования на основании комплексного анализа большого количества источников необходимо внимательно изучить тенденции обширной историографии, охватывающей широкий спектр смежных проблем.

Отечественная историография

Дореволюционная историография. Внимание к Германской империи в дореволюционной России заметно возросло в связи с усилением её влияния на мировой арене к концу XIX века. Реформы Александра III и развитие «национальной идеи», отводившей России роль защитника славянских народов, обусловили повышенный интерес к границам славянского мира. В попытках объяснения самобытности российской цивилизации актуальным становится её сравнение с «другой», германской самобытностью и пангерманскими проектами её утверждения и распространения в Центральной и Восточной Европе. Первоначальный интерес российских учёных был прикован к колониальным инициативам Германии. Записки о германских колониальных проектах, преимущественно в Африке, содержали подробные сведения о заморских территориях, включая данные по географии, экономике, транспортных путях, численности коренного населения, административной структуре, истории самих народов и вызовах колонизации. Сделанные в таких работах выводы носили рекомендательный характер и критически переосмысливались для Российской империи. Отмечались недостаточные усилия немцев по «просвещению» коренного населения, что позволило бы эффективнее распространять в колониях германские порядки. Указывалось также, что колониальные предприятия немцев могут привести к конфликтам с другими державами, а в перспективе даже нарушить баланс в европейских делах¹⁹. Однако при критическом подходе российские авторы второй половины XIX века часто проявляли сдержанное отношение к германской колониальной политике. Их оценки, как правило, были более мягкими, чем можно было бы ожидать. Это объяснялось тем, что Россия в то время сама участвовала в колониальных имперских проектах, что влияло на восприятие политики Германии.

¹⁹ *Порфирий* (Успенский К. А.). Успехи и неудачи немецких миссионеров во внутренней Африке. Киев, 1866; *Модестов В. И.* О Германии. Наука, школа, парламент, люди, стремления. СПб., 1888; *Кольцов Д.* Вопросы колониальной политики в Германии // Современный мир: ежемесячный литературный, научный и политический журнал. 1907. № 11. С. 79–84; *Защук И. И.* Германские колонии: Значение их в экономических, политических и военных отношениях. СПб., 1908; *Энгельгардт В.* Германские колонии и чем грозит Германии их утрата. Ярославль, 1914.

Новый виток интереса к немецкому колониализму был связан с попыткой осознания того, какие силы стояли за расширением немецкой экспансии, кто в Германии хотел активного колониализма, какого размаха достигло и к чему могло привести масштабное колониальное движение в немецком обществе. Так в фокусе внимания отечественных специалистов оказывается пангерманизм. Поскольку Российская империя была заинтересована в доминирующей роли в славянском мире²⁰, повышенный интерес стали вызывать планы тех, кто хотел того же для Германии, имея в виду идеи расширения немецкого надгосударственного единства под покровительством Германского рейха с расширением «жизненного пространства» для немцев в Европе. Естественные границы обеих империй, стремящихся к пангерманизму и панславизму, потребовали своего осмысления. Пангерманизм, в отличие от панславизма, начинает восприниматься Н. Я. Данилевским, К. Н. Леонтьевым и В. И. Ламанским²¹ как проявление идей радикального национализма, развивающего представление о немецкой нации, стремящейся поработить другие народы и утвердиться за их счёт в качестве господствующей нации. В этом смысле панславизм предлагал идею равного единства братских народов, так как исторически русские не были чисто славянской нацией²². Пангерманизм, который воспринял патриотический дух немецкого колониального движения, стал представлять угрозу славянскому единству.

Институционально пангерманизм выразился в Пангерманском союзе, «располагавшим сильными группами, связанными между собою», чтобы посредством воспитания нации «всяческими средствами возвеличить страну и её военное могущество»²³. Идеи, на которых пангерманцы воспитывали нацию, в российской дореволюционной историографии были изучены В. П. Бузескулом²⁴. Невзирая на достаточно прочные германофильские позиции части российской элиты, он призвал опасаться пангерманских идей. Пангерманская Германия, по словам другого публициста, представляла угрозу не только для России, но и для всего славянства в целом²⁵.

Советская марксистская историография обличала колониализм, к которому призывали пангерманцы, понимая под ним форму эксплуатации, вытекающую из империалистической стадии капитализма. Марксизм рассматривал колониальную политику как инструмент классового угнетения и

²⁰ Павленко О. В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3–15.

²¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романно-германскому. СПб., 1895; Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // К. Н. Леонтьев. Собр. соч. Т. 5. М., 1912; Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М., 2010.

²² Панченко А. Б. Наднационализм в эпоху национализма: цивилизационный подход от Н. Я. Данилевского до В. И. Ламанского // Тетради по консерватизму: Альманах. № 3. М., 2020. С. 129.

²³ Витте Е. И. Пангерманизм. Почаев, 1909. С. 8–9, 15.

²⁴ Бузескул В. П. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия. К происхождению современной германской идеологии. СПб., 1915.

²⁵ Перцов П. П. Панруссизм или панславизм? М., 1913. С. 13.

разграбления, что приводило к насильственному подчинению народов и их экономическому порабощению. Соответственно, критике и осуждению подвергались те общественные и политические структуры, которые поддерживали колониализм и содействовали ему²⁶. Однако марксистский подход был устремлён в будущее, содержал элементы политической утопии и был обращён к собственным объектам изучения. Такой взгляд не содействовал основательному анализу ни самой колониальной политики, ни Пангерманского союза в частности.

С приходом к власти нацистов интерес советских историков к германскому экспансионизму значительно усилился. В трудах исследователей межвоенного периода Н. П. Полетики, В. М. Хвостова, М. Ф. Заменгофа, Н. П. Грацианского и др.²⁷ экспансионистские планы нацистов трактовались как продолжение колониальных проектов Пангерманского союза. С точки зрения исследователей, под пангерманизмом понималось уже не движение, а политическая доктрина, которая отражала агрессивные, аннексионистские устремления немецкого империализма в борьбе за мировое господство²⁸. Историки-марксисты исследовали преимущественно империалистическую природу германского колониализма, роль германских монополий в подъёме националистических сил в Германии. На основе имевшегося в их распоряжении фактического материала были проблематизированы связи реакционных сил Германии с нацистами. Пангерманизм в этой связи рассматривался с точки зрения трансферта между германским империализмом и национал-социализмом. Сохранив свои позиции после Ноябрьской революции 1918 года, Пангерманский союз продолжал оставаться площадкой для выражения интересов промышленных и сельскохозяйственных магнатов. В интерпретации А. Гуральского, Ф. А. Ротштейна, Ф. И. Нотовича Пангерманский союз представал «загадочным генеральным штабом всех контрреволюционных сил», а также «инструментом агрессивной империалистической политики»²⁹.

Советские историки видели прямую связь между Пангерманским союзом и нацизмом. Они указывали, что пангерманские идеи экспансии, шовинизма и расизма были унаследованы их преемниками. Пангерманский союз стал пониматься как предтеча нацистской партии, что делало его роль в разжигании войны одной из центральных тем в советской историографии. Отмечалось, что «германский фашизм не только усвоил демагогические методы пангерманской

²⁶ Лукин Н. М. Очерки по новейшей истории Германии. 1890–1914 гг. М., 1925; *Его же*. Проблема изучения эпохи империализма. М., 1930.

²⁷ Полетика Н. П. Возникновение мировой войны. М.; Л., 1935; Хвостов В. М. Предисловие / Бюлов Б. Воспоминания М.; Л., 1935. С. 3–28; Заменгоф М. Ф. Колониальные притязания германского фашизма в Африке. М., 1937; Грацианский Н. П. Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии // Против фашистской фальсификации истории. М. –Л., 1939. С. 137.

²⁸ Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX в. М. –Л., 1960.

²⁹ Гуральский А. Из истории пангерманизма // Исторический журнал. М., 1945. № 5. С.22–33; Ротштейн Ф. А. Из истории Пруско-Германской империи. М., 1948; Нотович Ф. И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. М., 1947.

пропаганды и общую империалистическую пропаганду Пангерманского союза, он эти методы сделал ещё более циничными, аннексионистскую программу ещё более необузданной, приёмы деятельности своей заграничной агентуры ещё более откровенными и наглыми»³⁰.

В период расцвета советской историографии в 40–50-е годы XX в. появились работы А. С. Ерусалимского, Е. С. Варги, Е. И. Рубинштейна, З. К. Эггерт, В. А. Козюченко, Ф. Г. Зуева и др. Исследуя причины, приведшие к появлению диктатуры, они обратились к истории Пангерманского союза, попытавшись найти корни национал-социализма не только в колониальном, но и в национальном движении XIX века³¹. Это привело к тому, что кроме Пангерманского союза стали изучаться и другие объединения, предлагавшие немецкому обществу схожие экспансионистские мифы. По словам А. Гуральского, ещё «до создания Пангерманского союза стал возникать ряд объединений и организаций, которые сформулировали колониальные и территориальные требования германского империализма (в 1878 г. в Берлине было организовано Центральное объединение по изучению торговой географии для защиты немецких интересов; вслед за этим подобные же объединения возникли в Лейпциге, Дюссельдорфе и других городах)»³². Основанный на детальной проработке множества источников анализ мотивов, представлений и деятельности пангерманцев содержится в исследовании З. К. Эггерт. По её мнению, значение Пангерманского союза состояло в систематизации многочисленных и разрозненных колониальных проектов в программу «немецкого мира». Мнения его сторонников «сводились лишь к тому, что одна группа считала более важными одни военные цели, другая – другие <...>. Так, владельцы металлургических предприятий были заинтересованы в захвате промышленных районов на Западе, Союз сельских хозяев – в захвате территории на Востоке для колонизации и расширения помещичьего землевладения, а акционерные общества, связанные с внешней торговлей, настаивали на обеспечении свободы морей и расширении колониальных владений Германии»³³.

В период расцвета отечественной германистики, пришедшегося на 70–80-е годы XX века, историки затронули политическую систему Веймарской республики (А. А. Галкин, А. С. Бланк, И. Я. Биск, Я. С. Драбкин, Б. А. Айзин,

³⁰ Левина С. К истории Пангерманского союза // Красный архив: исторический журнал. Т. 1. № 1. 1939. С. 223.

³¹ Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951; Варга Е. С. Исторические корни особенностей германского империализма. М., 1946; Рубинштейн Е. И. Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX – начале XX века. М., 1953; Эггерт З. К. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны (август 1914 – октябрь 1917). М., 1957; Козюченко В. А. Германский социал-шовинизм и центризм в годы Первой мировой войны (Авг. 1914 г. – июль 1917 г.). М., 1948; Зуев Ф. Г. Международные отношения накануне и в годы Первой мировой войны. М., 1956.

³² Гуральский А. Указ. соч. С. 23.

³³ Эггерт З. К. Указ. соч. С. 190–191.

А. И. Борозняк, Г. В. Павленко, М. Е. Ерин и др.³⁴). Хотя их исследования и были встроены в рамки марксистско-ленинской парадигмы, за идеологической призмой отчётливо прослеживается тщательный труд по накоплению и упорядочиванию значительного массива фактических данных. Так, А. С. Бланк, изучив отношения власти и общества, одним из первых проблематизировал социальные и психологические предпосылки распространения крайне националистических взглядов в немецком обществе периода Второго рейха и Веймарской республики. Он заключил, что идеологическая демагогия и воздействие на массы, опыт которой уже был накоплен в Германской империи, играли не меньшую роль, чем террор в процессе захвата власти нацистами³⁵. И. Я. Биск проанализировал широкий спектр периодических изданий Веймара, в том числе пангерманскую прессу («Пангерманские листки», «Берлинская газета», «Рейнско-Вестфальская газета»), что позволило учёному обратиться к проблеме мифотворчества и формирования поведенческих стереотипов³⁶. А. И. Борозняк и М. Е. Ерин затронули тему отношений Пангерманского союза с основными политическими партиями. Б. М. Туполев поднял вопросы о природе германского колониализма в связи с общественными движениями и объединениями представителей среднего класса, которые стремились получить доступ к политической власти ещё в бисмарковской империи. Публикации исследователя обращают внимание на споры внутри Пангерманского союза о приоритетах колониализма: одни пангерманцы видели задачу в заморской экспансии рейха, другие – в создании континентальной империи³⁷.

В постсоветской и современной *российской историографии* интерес к германистике связан с открытием архивов внешней политики, широким доступом к зарубежным публикациям и началом международных дискуссий. Новые документы пролили свет на особенности германского национализма, отношения имперского правительства с общественными организациями, и с Пангерманским союзом в частности, а также на сложности организации и финансирования

³⁴ Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1967; Бланк А. С. Из истории раннего фашизма в Германии: Организация. Идеология. Методы. М., 1978; Биск И. Я. Пресса Веймарской республики и финансовый капитал // Ежегодник германской истории, 1974. М., 1975. С. 84–112; Драбкин Я. С. Становление Веймарской республики. М., 1978; Айзин Б. А. Революционные германские социал-демократы против империализма и войны. 1907–1914. М., 1974; Борозняк А. И., Павленко Г. В. История германской социал-демократии в правореформистской интерпретации // Вопросы истории. № 6. 1976. С. 180–187; Ерин М. Е. План Юнга и политическая борьба в Германии. (1928–1930 гг.): дисс. ... кандидата исторических наук. Саратов, 1973.

³⁵ Бланк А. С. Указ. соч. С. 184–193.

³⁶ Биск И. Я. Указ. соч. С. 84–112.

³⁷ Туполев Б. М. Австро-Венгрия в планах пангерманцев в конце XIX – начале XX в. // Славяно-германские отношения. М., 1964. С. 95–135. *Его же*. Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в конце XIX – начале XX вв. М., 1970; *Его же*. Германский империализм в борьбе за «место под солнцем»: Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX – начале XX вв. М., 1991; *Его же*. Россия в военных планах Германии // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 49–54.

организации, её элитарный (не массовый) характер и на реальные возможности направлять общественное мнение, а также влиять на принятие политических решений. Оказалось, Пангерманский союз вовсе не был таким всесильным, а его деятельность, в том числе в «колониальном вопросе», не была столь эффективной. В исследованиях И. Г. Асадулиной, Е. Белой, С. В. Солодовниковой, Е. В. Киктевой, Е. А. Чугунова и А. Г. Матвеевой³⁸ на основании документов из российских и германских архивов детально рассмотрены некоторые вопросы пангерманской печати, аспекты взаимодействия Пангерманского союза с колониальным движением и другими общественно-политическими объединениями, военные планы его руководства и биографии некоторых ведущих пангерманских публицистов, отношение к «польскому вопросу» и планы колонизации Востока. Некоторые из тезисов повторяют уже сделанные советским историками выводы, например, о том, что пангерманизм «был одним из звеньев в колониальной политике Германии»³⁹, или о преемственности пангерманизма на протяжении всех ключевых эпох немецкой истории первой половины XX в.⁴⁰ Некоторые исследователи рассматривают распространение колониальных идей и национальных мифов как средство борьбы пангерманцев за власть с целью обеспечения доступа к принятию политических решений для представителей высокообразованного и состоятельного среднего класса⁴¹. В этой связи уместно сослаться на современные постколониальные исследования, в которых наблюдается отход от убеждённости в том, что нации создавали империи, поскольку по природе своей это разные «феномены» или «формы историко-политического бытия», часто с противоположными

³⁸ Асадулина И. Г. Эволюция образа Европы в планах и концепциях пангерманцев (конец XIX – начало XX веков) // Актуальные проблемы исследования и преподавания истории российско-германских отношений в высшей школе: материалы международной научно-практической конференции. Кострома, 2011. С. 13–23; Белая Е. Пангерманский союз и польский вопрос в 1891–1907 годах (к постановке проблемы) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Вип. 13. Харків, 2010. С. 42–49; Солодовникова С. В. Эволюция политической программы пангерманского союза на рубеже XIX – XX веков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 3. С. 39–46; Её же. Начало Первой мировой войны в освещении пангерманской прессы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 1. С. 76–80; Киктева Е. В. Организованный национализм в Германии в 1888–1918 гг. (по документам российских архивов) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 9 (9). С. 113–121; Чугунов Е. А., Ковба В. И., Тимин С. Н. Германия и Россия: место в Европе в контексте сравнительно-исторического анализа наследия пангерманистов и панславистов // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 2 (19). С. 46–51; Матвеева А. Г. Некоторые аспекты германской колониальной политики в 1880–1890-е гг. (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 8 (94). С. 18.

³⁹ Патрушева М. О. Пангерманизм и колониальная стратегия Германии в конце XIX – начале XX вв. // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия. Иркутск, 2000. С. 22–25.

⁴⁰ Погорельский А. Развитие национализма в Германской Империи в конце XIX – начале XX века // Российский журнал исследований национализма. 2013. № 2. С. 4–11.

⁴¹ Цимбаев К. Н. «Великая Германия»: формирование немецкой национальной идеи накануне первой мировой войны. М., 2015.

характеристиками, находящиеся в непрерывной динамике. По мнению В. С. Мирзеханова, становление империй привело к укреплению национального за счёт колониального и их активному сближению⁴².

В современной историографии по-прежнему отсутствует комплексное исследование Пангерманского союза, но преобладают взвешенные оценки о его роли и значении по ряду проблем. С. В. Артамошин указал на то, что вместо разрозненных идей многочисленных колониальных обществ Вильгельминистской Германии у Пангерманского союза колониализм впервые получил научное обоснование в контексте ранней европейской геополитики, а война была охарактеризована «как наилучшее средство общественного благополучия»⁴³. Пангерманский союз как «внесистемная оппозиция» нёс ответственность за повышение градуса милитаризации внутри немецкого общества, балансируя, по словам Л. В. Ланника, между планами «государственного переворота и опасениями краха германской мощи»⁴⁴. Трансформация консервативных идей в годы Веймара на примере Немецкой национальной народной партии до её «поглощения» пангерманцами А. Гугенберга показана в исследовании Т. В. Евдокимовой⁴⁵. А. Г. Матвеева отметила, что в вопросах активного экспансионизма «на схожих с Пангерманским союзом позициях стояли и другие массовые союзы (Флотский союз⁴⁶, Оборонный союз, Колониальное общество)»⁴⁷, а немецкие либералы, например, несли не меньшую ответственность за милитаризм и трагедию мировой войны, чем пангерманцы⁴⁸. Кроме того, российские исследователи отмечают, что после создания рейха преимущественно военными методами пангерманизм стал едва ли не естественным и необходимым условием формирования у немцев чувства сопричастности, общности и национальной идентичности⁴⁹ вместо партикулярных (местнических, социальных,

⁴² Мирзеханов В. С. Концепты «империя-нация» и «центр-периферия» в imperial studies // Империи, нации, регионы. Имперские концепции в России и Германии в начале XX века: Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Ольденбург, 2018. С. 1–9; *Его же*: Нация в имперском и постимперском измерении: многомерность исторического опыта XIX–XXI вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. № 8 (72). С. 1.

⁴³ Артамошин С. В. Идеи истоки национал-социализма. Брянск, 2002. С. 150–151; *Его же*. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской Республики. Брянск, 2011.

⁴⁴ Ланник Л. В. Победоносные проигравшие: германская военная элита в 1914–1921 гг. СПб., 2017. С. 122–123.

⁴⁵ Евдокимова Т. В. Партийно-государственное руководство Веймарской республики между традициями и новациями: модификация консервативных идей // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2016. № 2 (5). С. 29–43.

⁴⁶ Киктева Е. В. Роль Германского флотского союза в формировании общественного мнения Германии: 1898–1918 гг.: дисс. кандидата исторических наук. М., 2022.

⁴⁷ Матвеева А. Г. Эволюция системы власти Германской империи в 1890–1914 гг.: дисс. ... доктора исторических наук. М., 2024. С. 576.

⁴⁸ Там же. С. 52.

⁴⁹ Цимбаев К. Н. Идеи германского экспансионизма в немецкой общественной жизни конца XIX – начала XX веков: дисс. ... кандидата исторических наук. М., 1998.

сословных, классовых и конфессиональных) разногласий «ради единства страны, повышения роли Германии в мировом экономическом, культурном и духовном пространстве»⁵⁰.

Становление **зарубежной историографии** германского колониализма, относящееся к концу XIX – началу XX века, также было связано с приоритетом колониального фактора в формировании внешней политики Великобритании, Франции и США. Отмечалось, что сохранение и расширение империи являлось важнейшим и решающим в отношениях с другими европейскими странами, а соответственно, поэтому Германская колониальная империя рассматривалась как потенциальный враг. Критические нападки на германский колониализм, поддерживаемый и развиваемый пангерманцами, содержат публикации американского профессора истории Р. Г. Ашера, британского публициста О. Харрисона, французского учёного, специалиста по геополитике А. Шерадама и профессора Сорбонны Ш. Андлера, основавшего во Франции научную школу германистики.

Р. Г. Ашер заключил, что пангерманизм был продуктом немецкой интеллектуальной мысли, хотя «никто из современников не поверит, что его важные аспекты не были итогом аналогичных рассуждений в Италии или Австро-Венгрии»⁵¹. О. фон Бисмарк был первым государственным деятелем, увидевшим все возможности пангерманизма, «хотя мы пока не можем быть уверены, за какую [его] часть он действительно несёт ответственность. Фон Биберштейн, фон Тирпиц и прежде всего нынешний император несут ответственность за многое и, безусловно, заслуживают похвалы (или дискредитации) за то, что довели пангерманизм до его нынешнего состояния, но сам пангерманизм является продуктом различных политик, последовательно отстаиваемых немецкими государственными деятелями после образования современной империи»⁵². С точки зрения Р. Г. Ашера, пангерманизм обладал явным преимуществом, связанным с его конфедеративным (интеграционным) эффектом. Даже в условиях поражения Германии, пангерманизм, по мнению учёного, наиболее остро вызывающий к жизни патриотические чувства, был способен объединить немцев независимо от гражданства. Несмотря на обоюдную историческую неприязнь Пруссии к Австрии, а также на то, что «ни один император не осмеливался отправиться на юг Германии без телохранителей», мысль о возрождении империи, ковавшаяся веками, «не способна исчезнуть без последствий»⁵³.

Особый взгляд на пангерманизм через призму англо-германского антагонизма предложил О. Харрисон. Сославшись на политические, экономические, военно-морские и филологические труды современных немецких учёных и публицистов, он попытался рассмотреть пангерманизм «с точки зрения

⁵⁰ Цимбаев К. Н. «Великая Германия». С. 10–11.

⁵¹ Usher R. G. Pan-Germanism. Boston, New York, 1914. P. 117.

⁵² Ibid. P. 117

⁵³ Ibid. P. 258.

его достоинств и недостатков»⁵⁴. Пангерманизм трактовался как «серьёзная политическая доктрина» и «национальное движение, идеалом которого являлся национальный союз всех немцев». О. Харрисон не видел злого умысла в том, чтобы «научить немцев мыслить национально»⁵⁵. Однако, рассуждая о Пангерманском союзе, он подчеркнул глубину скрытой «подпольной работы», направленной на расшатывание государственных основ⁵⁶. Хотя пангерманская агитация имела негативные последствия, сама доктрина строилась на великом национальном идеале единства, чего не было у англосаксов. Заслуга пангерманцев в том, что они научили немцев как осознавать этот идеал в общем, так и понимать важность военно-морской силы в частности⁵⁷.

Мысли о систематизации идей пангерманизма привели Ш. Андлера к пониманию четырёх причин его возникновения, две из которых он назвал исключительно прусскими, а две остальные – общегерманскими. Во-первых, подавляющий славянство воинственный германизм Тевтонского ордена, наследницей которого напрямую являлась Пруссия. Этот германизм ещё можно назвать христианским, поскольку он был связан с поощрением колонизации немцами-католиками восточных областей, исходя из расчёта о преумножении церковных богатств. Во-вторых, амбиции династии Гогенцоллернов, желавшей добиться независимости от императора Священной Римской империи. Великий курфюрст, успешно воевавший в XVII в. за выход прусских герцогов из ленной зависимости от Польши, тем самым способствовал возрождению средневекового польско-германского антагонизма. В-третьих, престиж Священной Римской империи, который важно было поддерживать военными методами, отражая набеги османов. Этот же престиж определялся внутренней конкуренцией за императорскую корону, где чрезвычайно важными были военные успехи. В-четвёртых, торговые и гражданские свободы немецких городов, которые требовали государственной поддержки и коллективной защиты⁵⁸. Французский исследователь объяснял пангерманизм как воинственную стратегию, расходясь в этом со своим коллегой А. Лихтенбергом, который считал, что агрессивная пангерманская политика Вильгельма II представляет собой лишь часть столь же агрессивной общеевропейской политики соперничества⁵⁹. Благодаря пангерманизму, оформившемуся к концу XIX в. уже не в качестве идеологии, а в качестве движения, Германия в большей мере, чем остальные европейские страны, чья политика оставалась «кабинетной», оказалась подвержена широкомасштабному воздействию снизу: «Немецкие правители, по своему характеру или для сохранения своей репутации в глазах наиболее уважаемых в

⁵⁴ *Harrison A. The Pan-Germanic Doctrine. Being a study of German political aims and aspirations. London; New York, 1904. P. 6.*

⁵⁵ *Ibid. P. 6–7.*

⁵⁶ *Ibid. P. 10.*

⁵⁷ *Ibid. P. 24.*

⁵⁸ *Andler C. Les origines du pangermanisme (1800 à 1888). Paris, 1915. P. 12–21.*

⁵⁹ *Marmetschke K. Feindbeobachtung und Verständigung. Feindbeobachtung und Verständigung in den deutsch-französischen Beziehungen. Köln - Weimar - Wien, 2008. S. 142–145.*

обществе классов, должны были следовать за этими меньшинствами. Сам князь Бюлов часто приписывал Пангерманскому союзу заслугу в том, что он стимулировал или поддерживал пробуждение национальных чувств. Как будто нужно было возбудить или поддержать чувство, которое всё школьное и университетское образование и все привычки немецкой общительности пропитали самой агрессивной гордостью! Мы называем «пангерманизмом» амбиции этой умело культивируемой гордыни, которую легко высвободить на дороге авантюризма»⁶⁰.

Сбалансированный научный анализ Пангерманского союза содержится в диссертации научной сотрудницы Ассоциации внешнеполитических исследований США М. Вертхаймер, которая была защищена в 1924 году в Колумбийском университете. По её словам, Пангерманский союз представлял собой «ничтожную кучку фанатиков»⁶¹, «небольшую, но очень шумную» организацию⁶². М. Вертхаймер не нашла никаких доказательств финансовой поддержки организации со стороны промышленников, а утверждения о важных связях между пангерманцами и правительством она сочла «совершенно нелепыми»⁶³. Пангерманский союз, по её мнению, был скорее помехой, чем помощью правительству, вопреки мнению тех, кто имел подозрения относительно агрессивных намерений Германии. Однако подобные выводы следует воспринимать осторожно, во-первых, учитывая ограниченный круг источников, использованных автором, во-вторых, общий ревизионистский контекст, связанный с переосмыслением вины и ответственности за разжигание войны, который в 1920-е гг. существовал по обе стороны Атлантики. Исследование М. Вертхаймер позволило преуменьшить значение радикального немецкого национализма. Так, ею было замечено, что Пангерманский союз имел аналоги во всех европейских странах, что не позволяет считать его единственно ответственным за «отравление международной атмосферы». М. Вертхаймер пришла к выводу о том, что пангерманцы – это совсем не те «дьяволы», которых изображает антивоенная пропаганда. Они были обывателями, «жизнерадостными немцами среднего класса»⁶⁴, которые, несмотря на свою наивность в политике, вызывали неподдельное сочувствие: ими двигала «подлинная искренность», а их деятельность была проникнута «патриотическим духом»⁶⁵. Описав Пангерманский союз в терминах, приемлемых американской аудиторией, М. Вертхаймер завершила работу призывом к международному взаимопониманию: «Пангерманский союз всего лишь пример одного националистического объединения, который внёс большой вклад в развитие современного национализма»⁶⁶.

⁶⁰ Andler C. Le pangermanisme. Ses plans d'expansion allemande dans le monde. Paris, 1915. P. 65.

⁶¹ Wertheimer M. The Pan-German League 1890–1914. Diss. New York, 1924. P. 186.

⁶² Ibid. P. 154.

⁶³ Ibid. P. 159.

⁶⁴ Ibid. P. 112.

⁶⁵ Ibid. P. 83.

⁶⁶ Ibid. P. 218.

Ревизионистские тенденции к реабилитации Пангерманского союза прослеживаются в исследованиях 20–30-х годов XX века. В трудах Г. фон Арнима, Г. фон Белова, Ю. Альтера, Э. Хирша⁶⁷ отмечается, что пангерманцы уловили и правильно поняли патриотический подъем в защиту национальных интересов эпохи колониализма, но не смогли донести конкретных требований до руководства рейха. К моменту публикации диссертации М. Вертхаймер в Германии уже несколько лет распространялась изданная самими пангерманцами апологетическая версия истории Пангерманского союза. Её автором был пангерманский историк О. Бонгард⁶⁸. С его точки зрения, враждебная пропаганда также слишком сильно преувеличила роль Пангерманского союза. Однако, в отличие от М. Вертхаймер, подчёркнутая О. Бонгардом слабость Пангерманского союза была преподнесена не в связи с ошибками его руководства, а в связи с враждебностью имперского правительства. На призыв обратить внимание на внутренних врагов империи, которые несли прямую ответственность за поражение Германии в Великой войне, правительство не просто проигнорировало это коллективное мнение пангерманцев, но, напротив, отреагировало невежеством и злой волей ведущих немецких государственных деятелей, продемонстрировавших предательское безразличие к судьбе немцев и отечества⁶⁹.

В исследованиях периода национал-социализма роль Пангерманского союза как предшественника НСДАП намеренно принижалась, но подчёркивалось его влияние на радикализацию масс в период Германской империи. В диссертации Л. Вернера, защищённой в 1935 году, Пангерманский союз предстал как «элитарное сообщество учёных-алхимиков», разрабатывавших концепцию «Новой Германии» в интересах себе подобных, а не всего народа (как это преподнесли нацисты)⁷⁰. В подобном ключе проведены исследования истории Пангерманского союза Д. Юнгом, З. Вернером и Й. Хусман, представившие национал-социализм как новое явление, не имевшее связей со старым рейхом⁷¹.

В послевоенное время немецкие историки стремились дать более глубокую оценку истории Пангерманского союза. В 50–60-е годы XX в., учитывая раздельное существование ФРГ и ГДР, историки привлекли для аргументации новые источники, отойдя от традиции использования тех документов, которые издавались самими пангерманцами и были предназначены для публичного освещения их деятельности.

⁶⁷ Arnim H., Below G. *Deutscher Aufstieg. Bilder aus Vergangenheit und Gegenwart der rechtsstehenden Parteien*. Berlin, 1925; Hirsch E. *Die Liebe zum Vaterlande*. Langensalza, 1924; Alter J. *Nationalisten. Deutschlands nationales Führertum der Nachkriegszeit*. Leipzig, 1930.

⁶⁸ Bonhard O. *Geschichte des Alldeutschen Verbandes*. Leipzig; Berlin, 1920.

⁶⁹ Ibid. P. 32.

⁷⁰ Werner L. *Der Alldeutsche Verband 1890–1918. Ein Beitrag zur Geschichte der öffentlichen Meinung in Deutschland in den Jahren vor und während des Weltkrieges*. Berlin, 1935.

⁷¹ Jung D. *Der Alldeutsche Verband*. Diss. Würzburg, 1936; Wehner S. *Der Alldeutsche Verband und die deutsche Kolonialpolitik der Vorkriegszeit*. Diss. Berlin-Steglitz, 1935; Husmann J. *Die Alldeutschen und die Flottenfrage*. Freiburg, 1945.

С позиций марксизма пангерманизм исследовали историки ГДР Ю. Кучинский, В. Кребс, Й. Петцольд⁷². Историки-марксисты ГДР, как и их коллеги в СССР исследовали преимущественно империалистическую природу германского империализма, роль германских монополий в подъёме националистических сил в Германии. На первый план ими была выдвинута проблема «монополии – фашизм», а также связи реакционных сил Германии с нацистами. В то же время историки ГДР стремились глубже проанализировать связь между пангерманизмом и национал-социализмом, чем это обычно преподносилось их советскими коллегами. На основании богатого фактического материала И. Петцольд рассмотрел личные связи А. Гитлера и Г. Класа, изучив разные аспекты финансовых отношений⁷³. Его исследование показало, что финансирование Гитлера со стороны Пангерманского союза было спорадическим и в значительной степени неэффективным для того, чтобы обеспечить более тесное сотрудничество. Небольшие финансовые вливания в НСДАП имели место, но были мотивированы стремлением пангерманцев получить больший контроль над нацистской партией. Они рассматривались в рамках более масштабной попытки Пангерманского союза дестабилизировать республику. Постоянное отсутствие благодарности А. Гитлера за помощь и его нежелание сотрудничать с руководством Пангерманского союза в качестве «младшего партнёра» привели к конфликту. После Пивного путча желание А. Гитлера оставаться независимым становилось всё более очевидным, а политические связи между двумя организациями становились всё более напряжёнными.

В диссертациях историков ФРГ и Франции А. Крука, Э. Хартвига, М. Коринмана⁷⁴ на основании источников личного происхождения (архив председателя Пангерманского союза Г. Класа) сделана попытка раздвинуть рамки устоявшихся представлений. Так, А. Крук заметил, что все ранние попытки комплексного анализа Пангерманского союза были обречены на провал, так как «архив организации был сильно повреждён во время воздушной атаки»⁷⁵. Э. Хартвиг опроверг это утверждение, заметив, что архив Пангерманского союза после его закрытия в 1939 году был перевезён на квартиру его председателя в Майнце, где хранился вплоть до окончания Второй мировой войны⁷⁶. А. Крук, установивший контакт с дочерью Г. Класа и получивший от неё вторую часть

⁷² *Kuczynski J.* Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus. Bd. 2: Propagandaorganisationen des Monopolkapitals. Berlin, 1950; *Krebs W.* Der Alldeutsche Verband in den Jahren 1918 bis 1939 – ein politisches Instrument des deutschen Imperialismus. Phil. Berlin, 1970; *Petzold J.* Konservative Theoretiker des deutschen Faschismus. Jungkonservative Ideologen in der Weimarer Republik als geistige Wegbereiter der faschistischen Diktatur. Berlin, 1978.

⁷³ *Petzold J.* Claß und Hitler. Über die Förderung der frühen Nazibewegung durch den Alldeutschen Verband und dessen Einfluß auf die Nazi Ideologie // *Jahrbuch für Geschichte*. 21. 1980. S. 247–288.

⁷⁴ *Kruck A.* Die Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890–1939. Wiesbaden, 1954; *Hartwig E.* Zur Politik und Entwicklung des Alldeutschen Verbandes von seiner Gründung bis zum Beginn des ersten Weltkrieges (1891–1914). Diss. Jena, 1966; *Korinman M.* Deutschland über alles: Le pangermanisme, 1890–1945. Paris, 1999.

⁷⁵ *Kruck A.* Op. cit. P. VI.

⁷⁶ *Hartwig E.* Op. cit. P. 2.

неопубликованной рукописи воспоминаний, написал фактически первую историко-критическую монографию о пангерманизме лишь в 1954 году. Он рассмотрел Пангерманский союз как оторванную от реальности организацию, чьи лидеры трагически оказались втянуты в отношения с нацистской партией.

С 1960-х годов исследования пангерманизма в ФРГ развивались под влиянием идей гамбургского историка Ф. Фишера, который исследовал преемственность политики военных целей Германии. Он предположил, что аннексионизм был присущ не какой-то конкретной группе националистов, как утверждали представители традиционной историографии, а всему господствующему политическому блоку (от умеренных до радикально настроенных политических сил)⁷⁷. Идеи Ф. Фишера были развиты Э. Хартвигом. На материалах Центрального государственного архива Потсдама он рассмотрел Пангерманский союз как один, но далеко не единственный «фактор политики германского империализма»⁷⁸.

Во второй половине 70-х годов XX века развернулась дискуссия о политической истории и «особом пути» развития Германии в первую половину XX в. Речь шла о том, что именно из истории страны в конце XIX – начале XX вв. привело к возникновению Третьего рейха. Дискуссия затронула и Пангерманский союз. Поводом для обсуждения стали публикации К. Б. Зеггерна и Г. Шёдля⁷⁹. В контексте господствовавшего тогда в западногерманской историографии социально-критического подхода была сделана попытка анализа социально-политических и социокультурных условий возникновения и развития Пангерманского союза. В трудах историков билефельдской школы (Г.–У. Велер, Ю. Кокка, Г.–Ю. Пуле, К. Клессман) на основе синтеза марксистской теории, учения М. Вебера о типах господства и теорий конфликта были проанализированы социальные убеждения пангерманцев. Ю. Кокка пришёл к выводу, что Пангерманский союз не сразу, но со временем стал внесистемной оппозиционной организацией⁸⁰. Его трансформация из своего рода «политического клуба» в «массовую организацию» хотя и не достигла цели, но в силу увлечённости популярной у масс категорией «народ» подготовила почву для национал-социализма. По мнению Г.–У. Велера, со времён «колониального бума» идеология и риторика Пангерманского союза играли первостепенную роль в укреплении национального духа той образованной части немецкого народа, которая формировала общественное мнение: трансформация национализма в своего рода интегративную религию, требование надгосударственного завершения объединения нации, опасения за статус Германии в динамично

⁷⁷ *Фишер Ф.* Рынок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. М., 2017.

⁷⁸ *Hartwig E.* Op. cit. P. 2

⁷⁹ *Broberg von Seggern C.* The Alldeutscher Verband and the German Nationalstaat. Minnesota, 1974; *Schödl G.* Alldeutscher Verband und deutsche Minderheitenpolitik in Ungarn 1890–1914: Zur Geschichte des deutschen “extremen Nationalismus”. Frankfurt am Main; Bern; Las Vegas, 1978.

⁸⁰ *Kocka J.* Klassengesellschaft im Krieg. Deutsche Sozialgeschichte. 1914–1918. Göttingen, 1978. S. 10.

развивающемся мире, болезненная реакция на угрозу увеличения численности «национально-чуждых» элементов и «врагов империи», требование распространения немецкой культуры и сферы влияния Германии в мире через империализм и внешнюю политику в духе пангерманизма, «заботу о расе» и «политику германства» – все это представляло собой взрывоопасную смесь глубочайшего страха и сомнений за безопасность в будущем⁸¹.

К дискуссии историков ФРГ очень скоро присоединились их английские коллеги. В исследованиях Р. Чикеринга, Д. Блэкборна, Дж. Эли, В. Д. Смита⁸² сделаны попытки рассмотреть Пангерманский союз через призму человеческого измерения (мотивы, ожидания, поведенческие паттерны). Актуальным в контексте их исследований стали социальная психология и культура социально-политических общностей. По мнению Р. Чикеринга, значимость Пангерманского союза для самих немцев является ключом к изучению его политической роли⁸³. Анализируя социальную психологию и поведенческие механизмы пангерманцев он предположил, что стремление «отнести себя к немецкой нации формировало у всех ведущих фигур в националистических организациях, независимо от их происхождения, чувство гордости и сопричастности, а также цель, к которой можно было стремиться»⁸⁴. Это чувство также порождало желание доказать свою значимость в политической сфере, что находило выражение в соучастии в судьбе государства. Наиболее распространённой формой подобного соучастия в конце XIX века становится националистическая, активная политическая и/или гражданская позиция. По мере вовлечения Германии в международную политику «империалистическое мышление», свойственное пангерманцам, по мнению В. Д. Смита, «всё больше и больше теряет контакт с реалиями международной политики», тем самым подставляя под угрозу самих немцев, что в итоге приводит к размежеванию с официальной линией правительства, расколу в обществе и войне⁸⁵.

Весьма интересный подход развивают чешские исследователи, в том числе современные, которые анализируют внешние эффекты деятельности Пангерманского союза. К. Хох, И. Коржалка, В. Оливова, С. Яворска, Я. Жупанич отмечали, что идеи объединения в «Великую Германию» в чешских и австрийских землях появились ещё до создания Пангерманского союза⁸⁶. Их

⁸¹ Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd.3. Von der “Deutschen Doppelrevolution” bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges: 1849–1914. München, 1995. S. 1075.

⁸² Chickering R. We Men Who Feel Most German: Cultural Study of the Pan-German league. 1886–1914. Boston, 1984; Blackbourn D., Evans R. J. The German Bourgeoisie. London, 1991; Eley G. Reshaping the German Right. Radical Nationalism and Political Change after Bismarck. New Haven; London, 1980; Smith W. D. The Ideological Origins of Nazi Imperialism. New York, 1986.

⁸³ Chickering R. Op. cit. P.16–17.

⁸⁴ Ibid. P. 102.

⁸⁵ Smith W. D. Op. cit. P. 97–98.

⁸⁶ Hoch K. Pangermanismus. Praha, 1946; Kořalka J. Všeněmecký svaz a česká otázka koncem 19. století. Praha, 1963; Olivová V. Československo a Německo. Praha, 2011; Jaworska S. Anti-Slavic imagery in German radical nationalist discourse at the turn of the twentieth century: a prelude to Nazi

воплощением стала «Линцская программа» Г. фон Шёнерера в 1882 году, которая с позиций антисемитизма обосновала господствующее положение германства в этих землях. В чешских землях национальное движение развивалось в ответ на эмансипацию чешского буржуазного общества, стремившегося освободиться от немецкого влияния. Немецкий реакционный национализм был наиболее ярко выражен в Северной и Западной Богемии, то есть, в районах, где немцев к концу XIX в. было 70–90 %. Немцы требовали обеспечения себе привилегированного положения, но и создавали союзы против других народов. Например, в Каринтии и Южной Штирии были созданы Союз Южной марки, выступавший против словенцев, Тирольский народный союз, выступавший против итальянцев, и Союз немцев в Нижней Австрии, выступавший против чешской иммиграции. В то же время, отмечается довольно слабые связи этих организаций с Пангерманским союзом, который обратил на них внимание только под руководством Г. Класа, и в основном только с точки зрения финансирования движения в Германии⁸⁷.

В современной немецкой историографии исследование Пангерманского союза является предметом исследований М. Петерса, Р. Херинга, Б. Хофмайстера, Й. Ляйхта, Б. Джекиша, У. Юнгкурт⁸⁸. В соответствии с новейшими теориями этносимволизма, «новой имперской истории» и символической коммуникации исследователи проводят связь между имперской экспансией Германии и преодолением ограничений национального государства. Подчёркивается, что Пангерманский союз смог выявить и мобилизовать академически подготовленных националистов, которые с университетских кафедр начали говорить о национальных интересах вместо интересов партикулярных. Кроме того, в своих призывах к заботе о национальных интересах пангерманцы создали актуальный миграционный политический дискурс, связанный с необходимостью перенаправить миграционные потоки из Германии обратно в Германию. Главной проблемой Пангерманского союза на рубеже веков стало недовольство управлением государственными делами, серьёзная и неудачная по причине господства архаичных политических структур критика власти

ideology? // *Patterns of Prejudice*. 45 (5). 2011. S. 435–453; *Županič J.* Nová šlechta Rakouského císařství. Praha, 2006.

⁸⁷ *Štollová S.* Pangermanismus. Ideové základy pan-hnutí, historický vývoj a proměna myšlenkového směru v ideologii. Praha, 2016.

⁸⁸ *Peters M.* Der Alldeutsche Verband am Vorabend des Ersten Weltkrieges (1908–1914). Ein Beitrag zur Geschichte des Völkischen Nationalismus im spätwilhelminischen Deutschland. Frankfurt am Main, 1992; *Hering R.* Op. cit; *Hofmeister B.* Radikaler Nationalismus und politische Öffentlichkeit. Der Alldeutsche Verband und die Alldeutschen Blätter / *U. Puschner* (Hrsg.). Krisenwahrnehmungen in Deutschland um 1900. Zeitschriften als Foren der Umbruchszeit im wilhelminischen Reich. Bern, 2010. S. 263–279; *Его же:* Between Monarchy and Dictatorship. Radical Nationalism and Social Mobilisation of the Pan-German league, 1914–1939. Georgetown, 2012; *Leicht J.* Heinrich Claß 1868–1953. Die politische Biographie eines Alldeutschen. Paderborn, 2012; *Jackisch B. A.* The Pan-German league and Radical Nationalist Politics in Interwar Germany, 1918–39. Farnham, 2012; *Jungcurt U.* Alldeutscher Extremismus in der Weimarer Republik. Denken und Handeln einer einflussreichen bürgerlichen Minderheit. Berlin, 2016.

аристократов, а также вера в то, что только война способна изменить действующие структуры управления и привести к власти новую элиту⁸⁹.

Под углом современных исследований колониализма и имперского наследия в историографии была переосмыслена роль политических и интеллектуальных элит. Оригинальный взгляд на колониальные амбиции элиты предложил Ю. Остерхаммель, фундаментальный труд которого был переведён и стал доступен российскому читателю⁹⁰. Являясь сторонником глобальной истории, изучающей прошлое через призму взаимосвязей и процессов, выходящих за рамки национальных государств, Ю. Остерхаммель рассматривает мир как единое целое, фокусируясь на трансграничных потоках людей, товаров, идей и культур, а также связывая локальные события с глобальными процессами. Как один из сторонников концепции «модерного колониализма», Ю. Остерхаммель связал колониализм с процессами европейской модернизации конца XIX и начала XX века, обратив внимание на такую его особенность, как конкуренцию элит в метрополии по поводу приобретения колоний⁹¹. Оценивая германский колониализм как процесс, который был связан с попыткой рейха присоединиться к сонму великих держав, он отметил, что говорить о действительно глобальной экспансии Германии неуместно, так как «мировая империя» тогда была только у британцев и французов. Германские интеллектуальные элиты рассматривали имперскую экспансию как ключевой инструмент для укрепления внутреннего национального единства и борьбы за власть, одновременно преследуя цель достижения паритета с ведущими мировыми державами. Как отмечает Ю. Остерхаммель, имперские амбиции играли центральную роль в процессе гегемонистской унификации самой Германии, служа оправданием для внутренних проблем и несовершенства через стремление к международному признанию и статусу великой державы. По этой же причине Ю. Остерхаммель, как Г. Камен, С. Бергер и А. Миллер⁹², усомнился в том, что XIX век следует рассматривать как время создания национальных государств. Для Германской империи процесс национального образования оставался незавершённым, поскольку только узкая прослойка политической элиты была заинтересована в сохранении дворянской империи О. фон Бисмарка; большая часть нации не имела доступа к принятию политических решений. Вместе с тем исследователь указал на то, что опыт непродолжительной колониальной экспансии рейха позволил отработать на практике методы обоснования и проведения депортации коренного населения, что

⁸⁹ Hofmeister B. Between Monarchy and Dictatorship. P. 50–61.

⁹⁰ Остерхаммель Ю. Преображение мира. История XIX столетия / пер. с нем. Д. Сдвижкова, К. Левинсона, А. Ананьевой. В 3-х тт. М., 2025.

⁹¹ Osterhammel J. Colonialism: a theoretical overview. Princeton: M. Wiener, Ian Randle Publishers, 1997.

⁹² Kamen H. Empire: how Spain became a world power, 1492–1763. New York, 2004; Berger S., Miller A. Nation-building and regional integration, 1800–1914: the role of empires // European review of history. London, 2008. Vol. 15. N 3. P. 317–330.

в дальнейшем повлияло на политику этнической гомогенизации. Подобного подхода придерживается английский коллега Ю. Остерхаммеля – К. Бейли⁹³.

Мнение о колониальных амбициях интеллектуальной элиты, которая привнесла в публичный политический дискурс изрядную долю иррациональных ожиданий и беспочвенных фантазий⁹⁴, разделяет другой современный исследователь, Г. Мюнклер, важнейший труд которого об империях и логике господства империй над миром был переведён на русский язык. Он уделяет место германскому колониализму в контексте логики имперской власти, критикуя элитарную слепоту Вильгельминистской Германии, которая привела к Первой мировой войне. Г. Мюнклер рассматривает колониализм как часть имперских амбиций, но подчёркивает неспособность элиты того времени осознать собственные ограничения, что привело к фатальной эскалации насилия. По его мнению, Германский рейх, движимый фантазиями о мировом господстве, был неспособен к компромиссам, а его элита утратила политическую рассудительность.

Большое значение представляют труды Д. Лангевише, Я. Фогеля, Й. Шмида и С. О. Мюллера по изучению «нации» как «символического коммуникативного пространства»⁹⁵. С. О. Мюллер утверждает, что в формировании нации сыграли важную роль не только правящие государственные, административные или военные элиты, но и представители рабочего движения, как и представители политически ущемлённых групп (женщины, этнические, религиозные меньшинства). По этой причине германский национализм не был «эксклюзивным продуктом только консервативных сил»⁹⁶. В трудах современного английского исследователя Р. Эванса Пангерманский союз рассматривается с точки зрения формирования ценностных представлений его участников. Развивая исторический афоризм о том, что «прошлое – это другая страна; там всё было по-другому», Р. Эванс анализирует особенности мышления немцев, обстоятельства, в которых они сделали выбор в пользу национализма и национал-социализма. Ключом к пониманию поведения пангерманцев, по его мнению, является изучение их языка, посредством которого в повседневность немцев проникли новые понятия о «германстве», «славянстве», «англосаксонстве», «еврействе», «жизненном пространстве»⁹⁷. В исследовании С. Голтерман на основании теории габитуса раскрываются механизмы формирования руководящих принципов, которые

⁹³ Bayly C. A. *The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons*. Oxford, 2004.

⁹⁴ Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром. От Древнего Рима до США / пер. с нем. Л. В. Ланника; под ред. Т. А. Граблевской. М., 2015. С. 68.

⁹⁵ Nation, Nationalismus, Nationalstaat. Forschungsstand und Forschungsperspektiven. In: *Neue Politische Literatur*. 40 (1995). S. 190–236; Schmid J. *Kampf um das Deutschtum. Radikaler Nationalismus in Österreich und dem Deutschen Reich 1890–1914*. Frankfurt am Main, 2009.

⁹⁶ Müller S. O. *Die Nation als Waffe und Vorstellung: Nationalismus in Deutschland und Großbritannien im Ersten Weltkrieg*. Göttingen, 2002. S. 6.

⁹⁷ Эванс Р. Третий Рейх: Зарождение империи. М., 2010. С.84.

определяли коллективные (групповые) и индивидуальные практики⁹⁸. Сами практики существовали на основании мифов о единстве, свободе и миссии, а в их создании большую роль сыграл Пангерманский союз. По убеждению Р. Киппера, мифы наиболее ярко раскрывали специфику и характер немецкого народа, хотя и являлись весьма туманными и расплывчатыми с точки зрения исторических фактов. С их помощью автор обосновывает механизмы коллективной (национальной), а также собственно пангерманской идентичности. Так, формирование мифа о «нордической расе», как и популяризация древнегерманской мифологии в её связи с национальной идентичностью немцев были отражением скрытой критики современности у пангерманцев⁹⁹.

В новейших исследованиях С. Конрада, Р. Эрбара и Ю. Циммерера рассматриваются вопросы германского колониализма, особенно на предмет того, как он влиял на немецкое общество. Одной из главных тем в их исследованиях является трансформация колониального энтузиазма в концепцию «великой нации», а также подчёркивается роль Пангерманского союза и Колониального общества, как медиаторов общественных настроений, трансформировавших колониальный дискурс в дискурс власти¹⁰⁰. В контексте современных постколониальных исследований активно изучается вопрос влияния колониальных обществ и союзов на формирование особого коммуникационного пространства, преимущественно африканских стран. В них подчёркивается, что колониальное наследие Германии сохранилось в значительном количестве заимствований. Это относится, например, к танзанийскому языку: слова *shule* (школа), *hela* (деньги) и *nusu kaputi* (сломанный, уничтоженный)¹⁰¹.

Подробный и глубокий анализ политических биографий ведущих пангерманцев (Г. Класс, А. Гугенберг) содержится в опубликованных в 2024 и 2025 году исследованиях Б. Хофмайстера и М. Шельхорна, а их советы автору диссертации помогли уточнить и скорректировать некоторые положения, вынесенные на защиту. По словам Б. Хофмайстера, Г. Класс намеревался превратить Пангерманский союз «в руководящий центр для всех внепарламентских национальных правых», а его целью была не «массовая мобилизация», а «интеллектуальное» господство. Однако «мобилизационная летаргия», вызванная нехваткой финансов, была прискорбной и постоянной

⁹⁸ Goltermann S. Körper der Nation. Habitusformierung und die Politik des Turnens 1860–1890. Göttingen, 1998.

⁹⁹ Kipper R. Der Germanenmythos im Deutschen Kaiserreich. Formen und Funktion historischer Selbstthematisierung. Göttingen, 2002.

¹⁰⁰ Conrad S. Deutsche Kolonialgeschichte. München, 2023; Conrad S. Globalisation and the nation in imperial Germany. Cambridge, 2010; Erbar R. Kolonialismus, Rassismus und Recht. Die versuchte Kodifizierung afrikanischer Gewohnheitsrechte und deren Konsequenzen für das deutsche Kolonialrecht in Togo // W. Wagner (Hrsg.). Rassendiskriminierung, Kolonialpolitik und ethnisch-nationale Identität. Münster; Hamburg, 1992. S. 134–144; Zimmerer J. (Hrsg.). Kein Platz an der Sonne. Erinnerungsorte der deutschen Kolonialgeschichte. Frankfurt am Main, 2013.

¹⁰¹ Degener J. “Nusu kaputi” – die deutsche Sprache in Tansania // Informationen Deutsch als Fremdsprache. 2009. 36 (5). S. 429–434; Agoya-Wotsuna C. Die Sprachsituation Kenias als Voraussetzung für die Vermittlung des Deutschen als Fremdsprache. Münster, 2012.

проблемой для Пангерманского союза¹⁰². Б. Хофмайстер охарактеризовал отношения Г. Класса и А. Гитлера как отношения «дистанционной близости», которые сохранились и после прихода национал-социалистов к власти¹⁰³. Более того, в угоду фюреру НСДАП председатель Пангерманского союза был готов пойти на уступки в отношении своего элитарного видения диктатуры. Однако ему не удалось полностью отказаться от своих взглядов. Б. Хофмайстер характеризует Г. Класса как «переходную фигуру» между старым и новым национализмом¹⁰⁴.

Интерпретации Б. Хофмайстера близки к подходу современного американского исследователя национализма немецких правых в период Веймарской республики, профессора Католического университета г. Буффало (США) Л. Ю. Джонса. В коллективной монографии «Немецкие правые в Веймарской республике», опубликованной с участием американских и немецких историков под его общей редакцией, делается вывод о том, что правые были крайне разобщены. Хотя Пангерманский союз и пытался создавать невидимые рычаги влияния, особенно с помощью Немецкой национальной народной партии (далее – НННП), результатом этих усилий стало скорее нежелание всех остальных политических сил сотрудничать с пангерманцами. Таким образом, к 1930-м годам пангерманцы и НННП, оказалась на обочине политической жизни, чему способствовали как внутренние разногласия, так и, прежде всего, соперничество с нацистской группировкой. Л. Ю. Джонс считает именно эту разобщённость правых, взаимную антипатию и неспособность к компромиссу главными причинами успехов НСДАП. Кроме того, он отмечает, что среди правых НСДАП была единственной партией, открытой практически для всех и функционировавшей как массовая организация, в то время как Пангерманский союз под руководством Г. Класса превратился в элитарную организацию, ограниченную процессом отбора членов и необходимостью уплаты членских взносов. Выводы Л. Ю. Джонса противоречат мнению большинства о прямой связи между НСДАП и Пангерманским союзом¹⁰⁵.

М. Шельхорн реконструирует образ А. Гугенберга в контексте вильгельминистского поколения, присущих ему паттернов и поведенческих моделей. Воплощённая в образе Бисмарка идея «германства», по мнению исследователя, была главной для этого поколения. В эпоху вильгельминизма объединение Германии понималось как проявление духа германства. Однако потомкам железного канцлера не хватало легитимности. Они не могли опираться на дворянской аристократии, которой принадлежали все важные рычаги управления. Поэтому, наряду с либеральными идеалами прогресса, они возвели нацию в ранг источника легитимности своих действий. Это был

¹⁰² *Hofmeister B. Anwalt für die Diktatur, Heinrich Claß (1868–1953). Sozialisation – Weltanschauung – alldeutsche Politik. Berlin, 2024. S. 759–779.*

¹⁰³ *Ibid. P. 392.*

¹⁰⁴ *Ibid. P. 759.*

¹⁰⁵ *Jones L. E. (ed.). The German Right in the Weimar Republic: Studies in the History of German Conservatism, Nationalism, and Antisemitism. New York, 2016.*

основополагающий принцип, лежащий в основе всех инициатив А. Гугенберга¹⁰⁶. Кроме того, на рассуждения А. Гугенберга и его современников влияли идеи Лагарда, в духе которых, особенно идей о единстве ведомых, население должно было быть восприимчивым к заявлениям тех, кто апеллировал к интересам всей нации. На основании идей П. де Лагарда А. Гугенберг перешёл к «стратегии инфильтрации», в соответствии с которой горстка избранных людей смогла влиять на других, сознательно продвигая собственные ценности. Впрочем, увлечшись теоретическими построениями, поколение А. Гугенберга оказалось «в ловушке интеллектуальных рамок 1890-х годов», продолжив следовать исторической миссии поколения – построению нации внутри страны. В конечном счёте, именно это и привело к растущему расхождению между реальностью и идеалом.

Таким образом, на основании анализа историографии можно заключить, что в настоящий момент Пангерманский союз по-прежнему остаётся в фокусе внимания историков. Продолжающаяся цифровизация архивных документов и публикация ранее не изученных источников из эпистолярного наследия пангерманцев, интерес к региональным аспектам деятельности, а также рецепция наследия Пангерманского союза в контексте изучения правых консервативных идеологий современной ФРГ позволяют отнести научное изучение пангерманизма к числу актуальных и востребованных специалистами из разных стран.

Объект исследования – процесс трансформации национальной идеи в идею имперской идентичности германской нации эпохи вильгельминизма, Веймарской республики и довоенной национал-социалистической диктатуры.

Предметом исследования является деятельность Пангерманского союза, направленная на формирование имперской идентичности германской нации.

Цель работы: комплексно оценить роль Пангерманского союза в формировании имперской идентичности германской нации в целом, выделить его цели, структуру, направления деятельности и проблемы развития на протяжении ключевых эпох германской истории конца XIX – первой трети XX века.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

1) определить характерные черты колониального активизма движения Германии второй половины XIX в., в контексте которого возник Пангерманский союз, а также были разработаны его программные тезисы;

2) проанализировать ориентированные на формирование имперской идентичности теоретико-методологические взгляды, концепции и подходы пангерманцев в контексте поколения эпохи вильгельминизма;

3) выявить и дать оценку методам воздействия на массовую аудиторию, приёмам и технологиям связи с общественностью, специально разработанным и использованным Пангерманским союзом;

¹⁰⁶ Schellhorn M. Alfred Hugenberg: “wilhelminische Generation” und bürokratische Herrschaft im Deutschen Kaiserreich (1865–1914). Göttingen, 2025. S. 690.

4) дать оценку изменению внутренней структуры, программы и механизмов адаптации Пангерманского союза к событиям политической истории Германии в период вильгельмизма, Веймарской республики и национал-социализма;

5) определить место Пангерманского союза в контексте правого консервативного движения, его фрагментации и обосновать роль пангерманцев в радикализации германского национализма;

6) сравнить мировоззрение пангерманцев и национал-социалистов, проанализировать процесс сворачивания активности Пангерманского союза в Третьем рейхе.

Источниковая база диссертации

Источники, привлечённые для диссертации, обширны и разнообразны. Весь корпус использованных в диссертации материалов можно разделить на соответствующие группы: актовые материалы, делопроизводственная документация, периодическая печать, публицистика и источники личного происхождения¹⁰⁷.

1) *Нормативно-правовые акты*, использованные в настоящей диссертации, представляют ценность с точки зрения определения публично-правового пространства деятельности общественных объединений, таких как Пангерманский союз, одновременно фиксируя процесс трансформации германской государственности в период с конца XIX века по первую треть XX века, отразившийся на почти пятидесятилетней истории организации. Документы публично-правового характера публиковались в официальном печатном издании германского правительства – газете *Reichsgesetzblatt*, статус которой фиксировала Конституция Германской империи¹⁰⁸. Газета издавалась берлинским Бюро рейхсканцлера Германии, а позднее и до 1945 года её издание было передано Имперскому министерству внутренних дел. В то же время общеправовые рамки деятельности Пангерманского союза определялись уже упомянутой Конституцией Германской империи (1871–1918) и Конституцией Германской империи (Веймарская Конституция) 11 августа 1919 года¹⁰⁹. Общий перечень нормативно-правовых документов, регулирующих деятельность общественных объединений (ферейнов, фербандов), включая законы о цензурных ограничениях в военные годы, в настоящем исследовании представлен в собраниях документов, в разное время издававшихся специалистами исторических комиссий в Берлине или Мюнхене¹¹⁰. Важным для понимания деятельности Пангерманского союза в

¹⁰⁷ О классификации источников в теоретических работах Л. Н. Пушкарева, И. Д. Ковальченко, О. М. Медушевской и др., см.: *Георгиева Н. Г.* Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2016. № 15 (1). С. 7–19.

¹⁰⁸ Германия. Конституция 16 апреля 1871 г. // Собрание конституционных актов. Вып. I. М., 1905. С. 27–28.

¹⁰⁹ Конституция Германской империи 11 августа 1919 г. // Конституции буржуазных стран. В 4-х тт. Т. I: Великие державы и западные соседи СССР. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. С. 83–115.

¹¹⁰ *Fricke D.* (Hrsg.). Die bürgerliche Parteien in Deutschland. Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlichen Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre

веймарскую эпоху являются международные публично-правовые акты, то есть международные договоры, стороной-подписантом которых была Германия. В частности, речь идёт о Версальском и в определённой мере о Сен-Жерменском договоре, ставшими предметом последовательной критики со стороны пангерманцев и их единомышленников в Австрии¹¹¹. «Политика исполнения» условий этих договоров стала одним из существенных оснований для антиреспубликанского движения, которое стремился инициировать Пангерманский союз, в то же время она давала повод для общественной агитации и пропаганды.

2) *Делопроизводственные материалы*. Ключевыми источниками для диссертации послужили материалы делопроизводственного характера. В первую очередь, это стенограммы заседаний представительных органов власти: общегерманского рейхстага¹¹². Информация, содержащаяся в стенограммах рейхстага, позволила понять и оценить внутривнутриполитическую обстановку, в которой осуществлялась государственная политика, и реакцию на неё представителей различных политических фракций. Члены руководства Пангерманского союза, учитывая заявленный в его уставе надпартийный статус организации, сами были депутатами рейхстага, представляя интересы национал-либеральных или националистических партий. По этой причине весьма важным для понимания стали вопросы политических дискуссий, отражения политической повестки в деятельности пангерманцев, как и вопросы изучения характера политической борьбы в центральном органе власти, оценки её эффективности и т.д.

Принципиально важной в рамках диссертации оказалась делопроизводственная документация Пангерманского союза, которая велась членами его исполнительного комитета. Чаще всего она представляла собой стенограммы заседаний самого комитета или съездов, проводившихся в основном один раз в год в одном из городов Германии. Резолюции таких заседаний обычно печатались в «Пангерманских листках» (*Alldeutsche Blätter*) и были обращены не столько к членам самой организации, сколько к общественности. Время от времени они издавались в юбилейных сборниках, охватывающих целый период в десять или двадцать лет¹¹³. Особый интерес в изучении делопроизводственной документации Пангерманского союза представляют неопубликованные протоколы заседаний, черновики и переписка по отдельным вопросам. Такие

1945. Berlin, 1968; *Hohlfeld J.* (Hrsg.). *Dokumente der Deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart. Ein Quellenwerk für die politische Bildung und staatsbürgerliche Erziehung.* Bd II: *Das Zeitalter Wilhelms II. 1890–1918.* Berlin; München, 1951 и др.

¹¹¹ Версальский мирный договор / Полный пер. с франц. подлинника под ред. Ю. В. Ключникова. М., 1925; Сен-Жерменский мирный договор / Полный пер. с франц. под ред. проф. Ю. В. Ключникова. М., 1925.

¹¹² *Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages, von 1871 bis 1933* (на время написания диссертации в рамках программы *Retrospektive Digitalization of Bibliothekbestände*, финансируемой Deutsche Forschungsgemeinschaft, оцифровано 489 томов).

¹¹³ *Zwanzig Jahre alldeutscher Arbeit und Kämpfe.* Herausgegeben von der Hauptleitung des Alldeutschen Verbandes. Leipzig: Dieterich, 1910.

документы в настоящее время хранятся в архивах. В работе с ними есть ряд нюансов, которые были учтены в диссертации. Во-первых, резолюции и сопровождающая их документация отражают в основном мировоззрение руководящей элиты (помимо членов комитета, они включают переписку с руководством филиалов Пангерманского союза), но не дают представлений о мнении обычных пангерманцев. Во-вторых, они содержат интересный материал о том, кого из представителей управленческой элиты на общегосударственном или региональном уровне следовало задействовать для реализации тех или иных задач, что проливает свет на лояльность к пангерманцам со стороны тех, кто не состоял в Пангерманском союзе. Разумеется, никогда и нигде пангерманцы официально не публиковали отчётов о тех затратах, которые осуществлялись для обеспечения внешней поддержки. В-третьих, заседания комитета и дискуссии во время съездов часто иллюстрировали отсутствие единства между руководителями как в Берлине, так и на местном уровне по принципиальным вопросам: конфликт поколений по поводу выборов председателя, противоречия между членами организации, представляющими разные конфессии, споры об увеличении членских взносов, вопросов программного характера и т.д.). В-четвёртых, сравнивая опубликованные резолюции с материалами их обсуждения членами комитета, можно обнаружить стилистические особенности. Так, тексты, предназначенные для общественности, обладали высокой риторической нагрузкой, часто содержат в себе агрессивные стереотипы врага.

Часть делопроизводственной документации, касающаяся деятельности Пангерманского союза, хранится в фондах двух российских архивов – Архиве внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ) и фондах Российского государственного военного архива (далее – РГВА). С точки зрения восприятия деятельности пангерманцев в России ценным источником являются донесения посла Николая Дмитриевича Остен-Сакена (1895–1912). Свидетельства об информационных кампаниях в прессе, которые вели пангерманцы против статс-секретаря министерства иностранных дел Германии барона Вильгельма фон Шёна, а также о поддержке кандидатуры его преемника Альфреда фон Кидерлен-Вехтера содержатся в фонде посольства в Берлине. Достаточно подробными выглядят донесения посла товарищу министра иностранных дел Анатолию Анатольевичу Нератову о реакции Пангерманского союза в связи со Вторым марокканским кризисом, относящиеся к 1911 году и хранящиеся в фонде Канцелярии¹¹⁴.

Некоторая часть архивного наследия пангерманцев после Второй мировой войны была вывезена из Берлина и ныне хранится в обширном фонде Главного управления имперской безопасности Российского государственного военного архива в Москве. В основном это документы последних лет существования Пангерманского союза в условиях Третьего рейха, хотя среди протоколов есть немало отчётов, иллюстрирующих раннюю историю Пангерманского союза. С 1936 по 1938 год секретные агенты гестапо подготовили серию донесений,

¹¹⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия; Ф. 167. Посольство в Берлине.

которые были собраны в объёмные отчёты, содержащие оценку деятельности Пангерманского союза. Они предназначались рейхсфюреру СС и шефу немецкой полиции Генриху Гиммлеру и поступали на адрес II отделения сформированной в 1934 году в качестве независимой структуры Службы безопасности рейхсфюрера СС. К моменту ликвидации Пангерманского союза в 1939 году эта структура стала подчиняться Главному управлению имперской безопасности, поэтому все материалы хранятся в соответствующем фонде. Донесения, оформленные как пространные отчёты о деятельности Пангерманского союза, стали основанием для его ликвидации¹¹⁵.

Для диссертационного исследования удалось привлечь документы из фондов федерального архива в Берлине. Это около 720 томов документов, относящихся к деятельности Пангерманского союза за весь период его истории. В период с 1941 по 1943 г. эти документы передавались в Рейхсархив¹¹⁶ под контролем и с учётом редакции бывшего председателя Пангерманского союза Г. Класса. Делопроизводственные документы Пангерманского союза дают представление о внутренней работе организации, содержат материалы обширной переписки между его членами (с внутренними и внешними организациями), протоколы заседаний исполнительного комитета, правления и документацию пангерманских филиалов, сведения о численном и социальном составе организации, материалы финансовой отчётности¹¹⁷. Сотрудниками архива проделана большая работа по оцифровке документов фонда, который ныне доступен для исследования более чем на шестьдесят процентов.

3) *Периодическая печать.* Издававшиеся печатными органами Пангерманского союза материалы, предназначенные для широкой аудитории и периодической печати, также весьма обширны и разнообразны. У пангерманцев были свои типографии в Майнце, Берлине и Мюнхене, а также свои права на газетные и журнальные издания: *Rheinisch-Westfälischen Zeitung*¹¹⁸ (газета, которую с 1895 по 1915 год контролировали пангерманцы), *Deutsche Zeitung* (газета, которую в 1917 году приобрёл Пангерманский союз; выходила до 1934 года), *Mitteilungen des Allgemeinen Deutschen Verbandes* (пангерманское еженедельное издание, выходившее с 1891 по 1893 год), *Alldeutsche Blätter* («Пангерманские листки», которые издавались Пангерманским союзом с 1894 года по 1939 год), *Handbuch des Alldeutschen Verbandes* (пангерманские

¹¹⁵ РГВА. Ф. 500. Главное управление имперской безопасности. Отдел II/123. Оппозиция: Пангерманский союз, 1932/33–1939. Ввиду фактического отсутствия русскоязычных электронных описей, доступны немецкоязычные, см: <http://sonderarchive.de>; <http://rusarchives.ru>.

¹¹⁶ Передача документов Пангерманского союза в Рейхсархив осуществлялась на основании договора, подписанного Г. Классом с директором Рейхсархива Эрнстом Ципфелем (1936–1945). Об этом, см: Vertrag Heinrich Claß und Generaldirektor Dr. Zipfel, 28. Februar 1942 // Bundesarchiv–Berlin (BA–Berlin). R 1506. Bd. 198. Bl. 4–5; Herrmann M. Das Reichsarchiv (1919–1945). Eine archivische Institution im Spannungsfeld der deutschen Politik. Kamenz, 2019.

¹¹⁷ BA–Berlin. R 8048: Alldeutscher Verband.

¹¹⁸ О «пангерманском периоде» в истории газеты, см: Frech S. Der Chefredakteur: Kampf um die öffentliche Meinung / S. Frech. Wegbereiter Hitlers? Theodor Reismann-Grone: Ein völkischer Nationalist (1863–1949). Paderborn, 2009. S. 129–165.

ежеквартальники, которые печатались с 1896 по 1922 год), *Deutschlands Erneuerung* (брошюры Пангерманского союза, которые печатались с 1917 по 1934 год), *Flugschriften des Alldeutschen Verbandes* (тематические выпуски, выходившие с 1894 по 1914 год), *Der Kampf um das Deutschtum* (тематические выпуски, издававшиеся с 1897 по 1911 год), *Alldeutsches Werbe- und Merkbüchlein* (рекламные буклеты Пангерманского союза, издававшиеся только в 1897 году)¹¹⁹. Оцифрованные версии пангерманской периодики можно найти в библиотеках почти всех немецких университетов. Большинство периодических изданий Пангерманского союза хранится в оцифрованном виде в Мюнхенском центре оцифровки документов, который с 1997 года функционирует при Баварской государственной библиотеке (MDZ: Münchener Digitalisierungszentrum).

4) *Публицистика*. Пангерманцы, в числе которых были преимущественно представители высокообразованного слоя с академическим образованием и научными степенями, придавали большое значение исторической публицистике, посвящённой актуальным проблемам и явлениям текущей жизни. В контексте научно-публицистического жанра, безусловными лидерами которого были представители высшего руководства Пангерманского союза, включая его председателей, создавались пангерманские мифы об имперской миссии Германии, её будущем величии, избранности и чистоте немецкого этноса и пр. Среди авторов преобладали в основном те персоны, которые преподавали историю в университетах. В разное время членами Пангерманского союза были Карл Лампрехт (1856–1915), Дитрих Шефер (1845–1929), Ганс фон Либиг (1874–1931), Эрнст Геккель (1834–1919), Отто Хётч (1876–1946), Эдуард Мейер (1855–1930), Макс Вебер (1864–1920), Георг фон Белов (1858–1927), Фридрих Лециус (1859–1939). Их попытки изложить немецкую историю содержали в себе немалый элемент конъюнктуры и разного рода искажений. Вынесшие из методологического «спора Лампрехта»¹²⁰ убеждённости в том, что задачи истории как науки не должны быть «антикварными», а должны быть направлены на объяснение современного общества, пангерманские историки намеренно разжигали у немцев страхи и фобии по поводу «земельного голода», «английской и славянской угрозы», «внутренних врагов» и т.д. Показательно, что О. Хётч в конечном итоге обвинил своих же единомышленников в преднамеренной лжи по поводу российской угрозы. Он обратил внимание на то, что всё, что его современники немцы знали о России, было написано остзейскими профессорами,

¹¹⁹ О периодике Пангерманского союза, см.: *Hofmeister B. Radikaler Nationalismus und politische Öffentlichkeit. Alldeutscher Verband und Alldeutsche Blätter 1891–1939 // U. Puschner, M. Grunewald (Hrsg.). Kultur und Kulturumbrüche in der Gesellschaft des wilhelminischen Deutschland. Frankfurt am Main, 2010. S. 263–279; Rosenberger B. Zeitungen als Kriegstreiber? Die Rolle der Presse im Vorfeld des Ersten Weltkrieges. Köln, 1998.*

¹²⁰ О научно-методологическом споре в начале XX века о тезисах К. Лампрехта по поводу «культурной истории», см.: *Ростиславлева Н. В. Рецепция творчества К. Лампрехта в Германии и в России // Диалог со временем. 2005. № 14. С. 177–189; Лесных С. В. Жизненный путь и историко-культурная концепция Карла Лампрехта: 1856–1915 гг.: дисс кандидата исторических наук. Воронеж, 2002.*

намеренно искажавшими образ восточного соседа¹²¹. Своего апогея пангерманская публицистика достигла в начале Великой войны, когда Д. Шефером была проведена организационная работа по составлению петиций и воззваний немецких профессоров¹²².

5) *Источники личного происхождения*. Картина Пангерманского союза была бы неполной без критического анализа документов личного происхождения. Опубликованные и неопубликованные (архивные) воспоминания пангерманцев Г. Класа, А. Гугенберга, Т. фон Райсман-Гроне, Э. Кирдорфа, Д. Шефера, Л. Шемана, А. Кайма, А. фон Фрайтаг-Лорингховена, К. Литцмана фокусируются на персональном восприятии их авторов, изобилуют фактами и содержат интерпретацию событий с учётом личного мнения и духа времени¹²³. В целом, мемуарная литература представляет собой важный репрезентативный историко-психологический источник, фиксирующий ретроспективу исторических процессов через призму индивидуальных восприятий. Его ценность для исследования заключается в возможности экспликации процессов социально-политической ориентации пангерманцев, а также в выявлении взаимосвязи между первичной социализацией, мировоззрением, установками и реальной общественно-политической практикой. Автобиографические нарративы наглядно демонстрируют степень вовлеченности пангерманцев в процессы институционализации, поддержания или оспаривания существовавшего политического порядка. Особенностью немногочисленных воспоминаний, оставленных лидерами Пангерманского союза и опубликованных преимущественно при их жизни, является явно выраженная интенция на политическое самооправдание и комплиментарную стилизацию. Несмотря на имплицитно присущие тенденции к героизации собственной личности, требующие критической оценки, авторы воспоминаний не игнорируют латентные и деструктивные процессы, например, политические кризисы, общественные потрясения или внутреннюю конкуренцию в правом политическом секторе. Ключевым содержательным элементом воспоминаний пангерманцев часто выступает не сюжет «успешной жизни», а непрерывная борьба за собственные политические идеалы, которая предстаёт в связи с наличествовавшими возможностями и ограничениям.

¹²¹ Hoetzsch O. Russische Probleme. Eine Entgegnung auf Johannes Hallers Schrift "Die russische Gefahr im deutschen Hause". Berlin, 1917. S. 147.

¹²² Об этом, см: Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923. СПб., 2021.

¹²³ Hugenberg A. Streiflichter aus Vergangenheit und Gegenwart. Berlin, 1927; Schemann L. Lebensfahrten eines Deutschen. Leipzig, 1925; Keim A. Erlebtes und Erstrebtes: Lebenserinnerungen von Generalleutnant. Hannover, 1925; Freytagh-Loringhoven A. Briefe an Herrn Otto von Sethe. Darmstadt, 1975; Lehmann M. Verleger J. F. Lehmann. Ein Leben im Kampf für Deutschland. Lebenslauf und Briefe. München, 1935; Schäfer D. Mein Leben. Berlin; Leipzig, 1926; Peters K. Lebenserinnerungen. Hamburg, 1918; Kirdorf E. Erinnerungen, 1847–1930. Düsseldorf, 1930; Lubarsch O. Ein bewegtes Gelehrtenleben. Erinnerungen und Erlebnisse. Kämpfe und Gedanken. Berlin, 1931; Litzmann K. Lebenserinnerungen. In 2 Bde. Berlin, 1927–1928.

В федеральном архиве хранится богатый документами, отражающими внутреннюю деятельность Пангерманского союза, личный фонд его председателя Г. Класса. Если первая часть его личных воспоминаний под общим названием «Против течения. О развитии и росте национальной оппозиции в старой империи»¹²⁴ была опубликована ещё при жизни автора в 1932 г., то вторая часть стала частью наследства дочери Г. Класса Анны Элизабет Класс (1898–1973) и долгое время хранилась в семейной коллекции. Благодаря Б. Хофмайстеру вторая часть воспоминаний председателя была опубликована только в 2022 г. под названием: «Политические воспоминания председателя Пангерманского союза, 1915–1933/36 годы»¹²⁵. Впрочем, кроме оригинального документа воспоминаний, в федеральном архиве в неизданном виде хранятся и другие документы богатого наследия Г. Класса. Они касаются его контактов с членами Пангерманского союза, а также внешних контактов с видными чиновниками, представителями военной элиты, лидерами партий, депутатами рейхстага, баварской полицией, национал-социалистами¹²⁶.

Большой интерес для настоящего исследования представляет личный фонд пионера германского колониализма и одного из основателей Пангерманского союза К. Петерса¹²⁷. Фонд объединяет более 111 единиц хранения: письма из экспедиций в Восточную Африку, переписку с колониальными деятелями и единомышленниками по Пангерманскому союзу Й. фон Пфайлем, Ф. фон Бюловым, Э. Ревентловым, министерством иностранных дел, программные документы Колониального общества, личные записи К. Петерса и переписка с А. Гугенбергом и Г. Классом.

Для диссертационного исследования были привлечены документы из других личных фондов и коллекций, хранящихся в земельных и городских архивах Германии. Речь идёт о личных фондах (Т. Райсман-Гроне, К. фон Гебзаттель, П. Банг, Э. Кирдорф), а также о личных фондах председателей филиалов Пангерманского союза в Йене, Дрездене, Гамбурге, Мюнхене или Кобленце. Некоторые документы из таких архивов сейчас активно публикуются. Так, весьма интересным для исследования стал личный фонд Т. Райсман-Гроне в архиве Эссена, который содержит материалы корреспонденции с руководством Пангерманского союза, вопросы для повестки заседаний, комментарии к резолюциям исполнительного комитета, а также тетради и напечатанные на пишущей машинке воспоминания Т. Райсман-Гроне¹²⁸. Часть документов, связанных с пангерманским издателем газеты *Rheinisch-Westfälischen Zeitung*, была обнаружена в ходе работы над диссертацией в личном архиве полковника Макса Бауэра (1869–1929). Его личный фонд хранится в федеральном архиве

¹²⁴ Claß H. Wider den Strom. Vom Werden und Wachsen der nationalen Opposition im alten Reich. Leipzig, 1932

¹²⁵ Claß H. Politische Erinnerungen des Vorsitzenden des Alldeutschen Verbandes 1915–1933/36. Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts (DGQ). Bd. 79. Berlin, 2022.

¹²⁶ BA–Berlin. R 2368 Nachlaß von Claß, Heinrich (1868–1953). Bd. 1–8.

¹²⁷ BA–Berlin. R 2223 Nachlaß von Carl Peters (Familienarchiv Petres. R 2223. Bde. 61–67).

¹²⁸ Stadtarchiv–Essen (STA–Essen). N 625: Nachlaß von Reismann-Grone, Theodor (1880–1921).

Германии¹²⁹. Документы дрезденского городского архива о филиале Пангерманского союза проливают свет не только на активность местных пангерманцев, но и на личность молодого Г. Штреземана, который был его членом¹³⁰. Неопубликованные документы гамбургского филиала Пангерманского союза, хранящиеся в архиве Научно-исследовательского центра современной истории при университете Гамбурга, дают подробное описание его социального состава из преимущественно торговой (ганзейской), административной и финансовой элиты города¹³¹. Вместе с тем, документы о деятельности филиала позволяют представить Гамбург как арену борьбы с местной и довольно сильной ячейкой социал-демократии, поскольку вольный город был одним из её оплотов. Анализ деятельности Константина фон Гебзаттеля (1854–1932) в личном фонде генерала кавалерии, хранящемся в Баварском главном государственном архиве (Кригсархив в Мюнхене), также позволил уточнить границы деятельности филиала Пангерманского союза в Мюнхене, особенно в отношении немецких консерваторов из НННП и национал-социалистов¹³².

В Тайном государственном архиве Прусского культурного наследия¹³³ хранятся оригиналы личной переписки по ряду содержательных и организационных вопросов между пангерманцами и близкими к ним представителями военной и гражданской элиты, дипломатами и аккредитованными служащими при немецких посольствах по всему миру. Наибольший интерес представляют воспоминания генерала Отто фон Фельдмана (1873–1945), прошедшего путь от офицера до депутата рейхстага и члена исполнительного комитета Пангерманского союза¹³⁴. Для пангерманцев О. фон Фельдман стал важным связующим звеном с рейхспрезидентом П. фон Гинденбургом, поскольку он руководил избирательным штабом и личным секретариатом генерал-фельдмаршала накануне президентских выборов 1925 года. Под редакцией его внука Петера фон Фельдмана исследователям стала доступна адаптированная версия воспоминаний генерала: «Турция, Веймар, Гитлер: Воспоминания прусского офицера и немецкого национального политика»¹³⁵.

Таким образом, репрезентативность источниковой базы диссертации позволяет целостно реконструировать деятельность Пангерманского союза на

¹²⁹ BA–Berlin. N 1022/11: Nachlaß von Bauer, Max (Oberst). Bd.1. 1914–1917. Bl. 21–36.

¹³⁰ Stadtarchiv–Dresden (STA–Dresden). 13.1: Alld deutscher Verband, Ortsgruppe Dresden und Oberelbegau.

¹³¹ Forschungsstelle für Zeitgeschichte in Hamburg (FZH). N 412–2: Alld deutscher Verband; N 11/R 28: Nachlaß von Alfred Roth.

¹³² Bayerisches Hauptstaatsarchiv/Kriegsarchiv (BHSTA/Kriegsarchiv München). OP 24718: Konstantin von Gebzattel

¹³³ Метелкин Е. Н. Тайный государственный архив Прусского культурного наследия в Берлине // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2015. № 15. С. 163–167.

¹³⁴ Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStA PK). VI. HA–NL: Otto von Feldmann: Lebenserinnerungen. Bd. 1–3.

¹³⁵ Feldmann O, von. Türkei, Weimar, Hitler. Lebenserinnerungen eines preußischen Offiziers und deutschnationalen Politikers / P. von Feldmann (Hrsg.). Borsdorf, 2013.

протяжении всей его истории, выявить и обосновать тенденции развития общественного мнения, влиявшие на содержание работы пангерманцев, а также комплексно проанализировать специфику внешних и внутренних (межпоколенческих) отношений внутри организации.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в отечественной историографии проведено обобщающее, комплексное исследование Пангерманского союза, акцентирующее внимание на переосмыслении его роли и значения в контексте историографических подходов. Традиционные интерпретации, фокусирующиеся главным образом на националистической и империалистической идеологии Пангерманского союза, рассматривают организацию преимущественно как внешнеполитическое лобби, упоминая её, либо в связи с интересами крупного капитала, либо в связи с агитацией за военные цели накануне Первой мировой войны. В диссертации Пангерманский союз рассматривается как один из центральных игроков на «массовом политическом рынке» (Г. Розенберг), который популяризировал и последовательно внедрял концепции этнической однородности, имперского величия, диктатуры элит и антисемитизма в политический дискурс Германии. Впервые Пангерманский союз рассматривается не как предшественник национал-социализма, стабильно существовавший в условиях Третьего рейха, а как организация, тайно конкурировавшая с движением А. Гитлера и вынудившая гестапо в течение долгих лет искать повод для её ликвидации.

Диссертационное исследование проведено на широкой базе архивных источников. Подавляющее большинство использованных при подготовке диссертации материалов составляют документы, хранящиеся в архивах Германии и России. На основании наиболее ценных из них – делопроизводственных документов Пангерманского союза – впервые изучается конструирование коллективной идентичности внутри организации, борьба за власть, дискуссии по поводу целей и задач, а также формирование коллективного образа «врага», «национальной оппозиции» и представления пангерманцев об «имперской идентичности». На основании источников впервые наиболее полно представлены отношения между центральным руководством Пангерманского союза и его многочисленными филиалами, как в Германии, так и за её пределами. Вместе с тем, отказ от следования традиционному подходу к истории Пангерманского союза, который, подчёркивая значение Первой мировой войны, разбивает его деятельность на два периода («до» и «после»), позволил выстроить новую периодизацию. В соответствии с ней в истории Пангерманского союза доминирует внутренняя логика, отражающая динамику изменений общественно-политических взглядов, конкуренцию общественных и политических объединений за авторитет в информационном пространстве, поиск альтернатив и реакцию на внешние вызовы.

Оригинальность исследования заключается в том, что в научный оборот введены новые источники, обнаруженные в архивных фондах и частных коллекциях. Благодаря новым документам стало возможным провести всестороннее изучение истории Пангерманского союза, в том числе слабо

изученного в отечественной историографии «веймарского периода» его истории. Это позволяет увидеть Пангерманский союз в контексте широкого антиреспубликанского консервативного движения, более того, рассмотреть роль пангерманцев в его фрагментации.

Методология исследования. Диссертационное исследование представляет собой глубокий анализ, основанный на сочетании ключевых принципов исторического познания, таких как историзм, объективности и научность. На основании этих принципов были использованы специальные исторические методы, а также междисциплинарные подходы, заимствованные из смежных гуманитарных наук. Их синтез позволил оценить не только объективные стороны событий, явлений и процессов, но и учесть субъективные, нелинейные факторы, влиявшие на принятие решений, а также на формирование образов, смыслов, мотивов и действий ключевых фигур и сообществ.

Диссертационное исследование представляет собой глубокий анализ, основанный на сочетании ключевых принципов исторического познания, таких как историзм, объективности и научность. На основании этих принципов были использованы специальные исторические методы, а также междисциплинарные подходы, заимствованные из смежных гуманитарных наук. Их синтез позволил оценить не только объективные стороны событий, явлений и процессов, но и учесть субъективные, нелинейные факторы, влиявшие на принятие решений, а также на формирование образов, смыслов, мотивов и действий ключевых фигур и сообществ.

В методологическом отношении основу диссертационного исследования определили смысловые ориентиры и установки историко-структуралистского и конструктивистского подходов. С точки зрения структурализма в центр исследования помещено понятие «политической культуры» как структуры, наполненной смыслами. В рамках «политической культуры» формируется политическое мышление, чувства и практика действий политических акторов, руководствующихся не только материальными интересами. В этой связи понятие «политической культуры» близко к её интерпретации К. Роэ: «Политическая культура есть совокупность конкретных политических смыслов, которые служат руководством к действию»¹³⁶. Как смыслы, так и выражающие их действия существуют в пространстве политической коммуникации, которая наполняет их содержательной и знаково-символической атрибутивностью¹³⁷. Следовательно, идентифицировать «политическую культуру», как и варианты альтернативных «политических культур», одну из которых стремился создать Пангерманский союз, целесообразно в коммуникации. Такая перспектива выглядит вполне обоснованной, поскольку позволяет также проследить «изменение структур власти, общих норм и правил вплоть до единичных действий и конкретных

¹³⁶ Rohe K. Politische Kultur und ihre Analyse. Probleme und Perspektiven der politischen Kulturforschung // Historische Zeitschrift. Bd. 250. 1990. S. 333.

¹³⁷ Mergel T. Überlegungen zu einer Kulturgeschichte der Politik // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft. 28. Jg. 2002. S. 592.

аспектов коммуникации, изучив, как они растворяются в сложной сети взаимных атрибуций, утверждений и интерпретаций»¹³⁸.

Образ «имперской нации», который формировали у немцев пангерманцы, не являлся репрезентацией объективной реальности, а представлял конструкцию, необходимую для ориентации и действия. Имперская идентичность в этой связи предполагала сознательную готовность создавать, транслировать, усваивать и проживать групповые нормы, ценности, модели поведения. «Имперская» составляющая этого понятия, соответственно, может интерпретироваться через соотнесение действий с имперской моделью поведения, в основе которой заложена готовность к воспроизводству имперских ценностей исключительности, господства, экспансии, культурного мессианства. Следовательно, если имперская идентичность представляет собой динамичный, подверженный историческим изменениям конструкт, то задача исследователя будет состоять в расшифровке интерпретационной модели, заложенной в её основе.

Понимание роли Пангерманского союза в формировании имперской идентичности выстраивается вокруг тезиса М. Р. Лепсиуса о том, что главную роль в этом процессе играли элиты; условием утверждения модели идентичности, соответственно, является её осмысленная приемлемость для национального большинства¹³⁹. Обоснованием этого тезиса у М. Р. Лепсиуса служит то, что нация в государстве О. фон Бисмарка ещё не осознавала себя как «гражданская нация», а определялась скорее как объединённая государством «нация людей с общей культурой». Поэтому идея идентичности государству была использована элитами для оправдания консервативных и антидемократических интересов; она служила как идеологией внутренней интеграции, так и основой для претензий Германии на внешнюю гегемонию.

Традиционное представление об элитах, разработанное такими теоретиками, как Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс, Г.–К. Кальтенбруннер¹⁴⁰, допускает весьма широкую интерпретацию. В этом смысле под элитой понимается не столько узкая прослойка, занимающая руководящие посты в государстве, сколько интеллектуальная группа, формирующая дискурс власти. Этому широкому пониманию элиты соответствовало руководство Пангерманского союза, продвигавшее идею империи во главе с новой элитой.

В настоящем исследовании были использованы следующие методы: *историко-генетический метод*, позволивший проследить динамику развития Пангерманского союза на протяжении ключевых эпох немецкой истории. С его помощью обосновывались и реконструировались не только цезуры в истории

¹³⁸ Stollberg-Rilinger B. Vorwort / B. Stollberg-Rilinger (Hrsg.). Was heißt Kulturgeschichte des Politischen. Berlin, 2005. S. 21.

¹³⁹ Lepsius M. R. Nation und Nationalismus in Deutschland // Geschichte und Gesellschaft. Sonderheft 8: Nationalismus in der Welt von heute. 1982. S. 27.

¹⁴⁰ Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187–198; № 12. С. 97–117; Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2008; Михельс Р. Социология политических партий в условиях демократии // Диалог. 1991. № 3. С. 42–46; Кальтенбруннер Г.–К. Элита. Воспитание на случай чрезвычайной ситуации. М., 2025.

организации, но и концепты, которые были соотнесены с историческими поколениями (коллективные представления у «поколения вильгельминизма», «поколения грюндерства», «фронтового поколения» и «лишённого поколения», названного ещё «поколением военной молодёжи»¹⁴¹). С помощью *компаративного метода* были выделены специфические черты и тенденции, относящиеся к объекту исследования. Компаративный метод позволил сравнить разные точки зрения, картины мира и альтернативные подходы к идентичности у представителей широкого спектра правых сил до и после Великой войны. Кроме того, были соотнесены идеи и методы пангерманцев и национал-социалистов, посредством сравнения изучены лидерские качества председателя Пангерманского союза и других ключевых фигур, действовавших в общественно-политическом пространстве Германии. *Историко-системный метод* позволил увидеть Пангерманский союз в контексте объединений и союзов по интересам, возникших на «массовом политическом рынке»¹⁴² Германии к концу XIX – началу XX века. Тот факт, что многие из них (Колониальное общество, Флотский союз, союз «Киффхойзер») смогли значительно расшириться, охватив самые разные слои населения, обращает внимание на общие для объединений адаптационные и интеграционные механизмы, отличавшиеся от электоральных технологий, уже использовавшихся политическими партиями. Применение таких механизмов, включавших создание и работу филиалов, зарубежных представительств, рабочих групп, массовых и дифференцированных медиаресурсов, обеспечивало своевременное восприятие политической реальности, обнаружение проблемных точек пересечения власти и общества, адекватную корректировку политических целей и задач. Исследование политической коммуникации осуществлялось с помощью *дискурс-анализа*, который позволил изучить, как язык пангерманцев использовался для формирования образа власти, отношений неравенства, идеологии и социальных отношений. Были изучены не только тексты, но и экстралингвистические факторы: контекст, цели авторов и аудиторий, а также политическая и социокультурная среда. Интерес для исследования представили *методы имагологии*, которые позволили глубже понять, как формировались образы и представления о власти, нации, империи, элитах. Методы *новой имперской истории*¹⁴³ позволили подойти к текстам пангерманцев с точки зрения «империи» как категории анализа с собственной системой описания имперского опыта, а также «имперского нарратива», выявленного в категориях гегемонии, доминирования, социальной инженерии, взаимосвязи и воспроизводства культурных, социальных и политических различий. *Биографический* и

¹⁴¹ Peukert D. Die Weimarer Republik. Krisenjahre der Klassischen Moderne. Frankfurt am Main, 1992. S. 25.

¹⁴² Rosenberg H. Die Pseudodemokratisierung der Rittergutsbesitzerklasse // H. Rosenberg (Hrsg.). Machteliten und Wirtschaftskonjunktoren. Studien zur neueren deutschen Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Göttingen, 1978. S. 83–101.

¹⁴³ Герасимов И., Глебов С., Могильнер М., Кусбер Я., Семёнов А. Новая имперская история и вызовы империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / Под. ред. И. Герасимова и др. М., 2010. С. 383–418; Hardt M., Negri A. Empire. Harvard, 2000.

автобиографический методы позволили проанализировать индивидуальные и групповые восприятия пангерманцев, которые при критическом рассмотрении дали возможность увидеть и оценить, как пангерманцы воспринимали политические изменения и реагировали на них.

Территориальные рамки исследования охватывают широкий, но чётко очерченный географический и исторический контекст. В соответствии с представлениями пангерманцев о Великой Германии в центр внимания помещены территории Центральной Европы, с проживающим на них немецким населением. Это означает включение в поле зрения не только Германской империи (с 1871 года), но и территорий с численным немецкоговорящим населением, находившимся под суверенитетом других государств, таких как Австро-Венгрия, Российская империя, Франция (Эльзас-Лотарингия), Бельгия, Нидерланды и Дания. Исследование также затрагивает различные этапы и направления германской экспансии и влияния. Особое значение придаётся германским колониям в Африке и Азии, а также немецкой диаспоре по всему миру включая Северную и Южную Америку. Хотя эти территории не всегда находились под прямым политическим контролем Германии, они рассматриваются в контексте пангерманской ирредентистской идеологии как потенциальные сферы влияния. Период после завершения Первой мировой войны также накладывает свои территориальные ограничения, поскольку Германия лишается своих колоний, а её европейские границы оказываются значительно урезанными союзниками.

Хронологические рамки диссертационного исследования. Нижней границей диссертационного исследования был определён 1891 г. – год образования Пангерманского союза. Указанный год не просто зафиксировал создание новой для Германии организации. С учётом недовольства внешней и колониальной политикой, он означал критический вызов правительству со стороны общественности, с которым власть должна была считаться. С этого момента и всю последующую историю Пангерманского союза он играл роль скептика и критика, пока официально не провозгласил о своей трансформации в организацию оппозиции. Верхней хронологической границей стал 1939 г., завершивший почти полувековую историю Пангерманского союза упразднением организации национал-социалистами.

Выносимые на защиту положения отражают результаты проведённого исследования:

1. Поведенческие модели пангерманцев, основанные на ценностях национализма как господствующего политического мышления, этнического однообразия и идеалах германства, для поколения «слишком молодого, чтобы участвовать в объединении Германии, и в то же время слишком старого, чтобы героизировать на Великой войне», экстраполировались на политическую культуру, которую они желали изменить. По этой причине неизменной задачей Пангерманского союза, как бы ни менялась его программа, всегда оставалось воспитание немецкой нации на идеалах великого народа, способного самостоятельно решать свою судьбу, а не ждать милости правителя, пассивно пожиная результаты его правления. Тактика переоценки ценностей

бисмарковской Германии и движения в сторону от либералов стала основой интеграционной стратегии Пангерманского союза.

2. Колониальные запросы Пангерманского союза были оправданы не столько экономическим расчётом, сколько частью продуманной стратегии по политизации общественного колониального движения. Связав колониализм с первостепенными интересами нации (социальными, политическими и геополитическими, экономическими, идеологическими, демографическими), от которых, по мнению пангерманцев, фактически зависело выживание и будущее немецкого народа, Пангерманский союз стремился заручиться широкой общественной поддержкой, чтобы, делая заявления от имени нации, использовать их как аргумент внесистемного давления на имперское правительство.

3. Мифологией о «почве», «крови», «нордическом происхождении», «защитнике Зигфриде» Пангерманский союз последовательно формировал в сознании немцев мысль о том, что главная задача государства заключалась в защите немецкого народа от превращения в «удобрение для чужих, низших рас». Ошибки и неудачи правительства, как и отсутствие харизматического преемника О. фон Бисмарка, мыслящего категорией нации, намеренно преподносились как деструктивная, вражеская собственному народу политика. Такая риторика способствовала нарастанию политизации, вовлекая в пространство публичной политики разные социальные группы.

4. Антисемитизм для Пангерманского союза был стратегией внутренней мобилизации немецкого общества. На разных стадиях развития организации у пангерманцев возникали специфические интерпретации антисемитизма. Они варьировались в зависимости от контекста, в особенности от кризисного опыта: от конкуренции с международным еврейским капиталом за статус имперской державы до борьбы с внутренними врагами, действовавшими в интересах еврейского сообщества.

5. Для связей с обществом Пангерманский союз создал инновационную модель управления, что позволило соотнести его с холдинговой компанией. В отличие от съездов политических партий эпохи Кайзеррейха, которые, кроме партийных газет и собраний, проводились лишь от случая к случаю и часто в связи с очередными выборами, Пангерманский союз создал эффективную сеть филиалов. Ежегодные собрания структурировали работу по решению конкретных задач. Массовая печать была призвана сформировать общий пангерманский дискурс, относительно которого формировались единые интерпретационные и поведенческие модели. Пангерманская символика, церемонии и ритуалы, привлечение политиков и военных к участию в деятельности организации, возможности карьерного роста – всё это способствовало росту популярности организации.

6. Ошибками пангерманцев в первые послевоенные годы стали попытки продолжить создание имперской нации на основе искажённого понимания реальности. Во-первых, на основе преимущественно эмоционально окрашенных спекуляций массовыми страхами и осознанного введения в заблуждение по поводу итогов войны. Во-вторых, методами расовой сегрегации на «своих» и

«чужих». В-третьих, отказом от признания и интеграции всего спектра национальных идей и воззрений тех правых сил, которые стремились найти себе место в контексте республики. В-четвёртых, имперская идеология пангерманцев наделяла политической волей не саму немецкую нацию, а лишь тех её представителей, которые «лучше остальных знали национальные интересы», что напоминало устаревшие принципы О. фон Бисмарка с его «политикой нотаблей».

7. Элитарная диктатура, которой добивался Пангерманский союз, была необходимой предпосылкой для всеобъемлющего имперского переустройства. Диктатура должна была положить конец внутренним конфликтам, создать гомогенное общество посредством лишения этнических меньшинств их гражданских и избирательных прав. Вместе с тем она должна была остановить процессы модернизации и демократизации, усиливавшие дифференциацию немецкого общества. Поскольку поражение в войне, напротив, стало предпосылкой для демократического переустройства, то попытки насильственного переворота казались единственно возможными. Однако после неудачных попыток переворотов пангерманцы избрали легальный путь борьбы за диктатуру. Проявление национал-социалистами своих властных амбиций в Бад-Гарцбурге привело к нарушению баланса сил среди правых. Это привело к тому, что пангерманцы фактически вернулись к концепции старой нации, существовавшей на принципах иерархичности и ограниченного участия масс в политической жизни.

Апробация результатов. В рамках диссертационного исследования была проведена большая работа, которая нашла выражение в ряде публикаций и научных докладов, представленных на различных всероссийских и международных конференциях (Москва, Санкт-Петербург, Череповец, Иваново, Брянск, Йена и Циттау). Начиная с 2012 г., в ведущих российских журналах публиковались промежуточные результаты исследования. Ряд тезисов обсуждался на научных коллоквиумах, которые проводились в рамках стажировок и стипендиальных проектов. Важным аспектом работы стало пополнение корпуса источников, необходимых для более глубокого анализа, общение с ведущими российскими и зарубежными специалистами. В 2026 г. на основе ряда тезисов диссертационного исследования была издана монография, которая была отрецензирована специалистами, в том числе в области исторической германистики. Объем публикаций по данной теме составил около шестидесяти печатных листов, что свидетельствует о масштабах проведённой за полтора десятилетия работы.

Структура диссертации была определена намерением комплексного рассмотрения истории и деятельности Пангерманского союза, вместо фрагментарного подхода к изучению отдельных аспектов, а также, вместо рассмотрения более широких научно-исследовательских тем. На основании документов и историографии были проанализированы условия формирования организации, мировоззренческие и целевые установки её участников, общеисторический контекст. Особое внимание уделялось связи головной организации с её филиалами в Германии и за её пределами. С привлечением

уникальных документов российского военного архива исследование охватило сложный и дискуссионный период существования Пангерманского союза в период национал-социализма. Учитывая огромный масштаб опубликованных трудов по истории пангерманизма и Пангерманского союза в частности, автору пришлось увеличить объем историографической части исследования. Таким образом, структура диссертационного исследования включает пять глав, состоящих из 15 параграфов, введения, заключения, списка источников и литературы, приложений. Такая структура позволила рассмотреть все ключевые аспекты темы и представить результаты исследования в наиболее понятной логической форме.

Основное содержание диссертационного исследования

Во *введении* обосновывается актуальность темы исследования, определяются предмет и цель исследования, формулируются задачи, анализируется историографическая ситуация, даётся обоснование хронологических рамок исследования, описывается терминология исследования, характеризуется методологии и специфика источниковой базы, выделяется научная новизна и практическая значимость диссертационного исследования.

В *первой главе «Истоки и формирование пангерманизма в контексте общественно-политических движений второй половины XIX в.»* показано, что формирование пангерманизма было обусловлено комплексом факторов, включавших требования колониальной экспансии, повышения престижа Германии на международной арене, заботы о национальных интересах и завершения процесса создания нации посредством расширения имперского господства. Это были требования высокообразованного и обеспеченного среднего класса (*Bildung und Besitz*), представленного в основном тем поколением, становление которого пришлось на годы политической и экономической стабильности рейха после 1871 года. Не имея возможности влиять на принятие политических решений в государстве О. фон Бисмарка, они стремились получить доступ к политической сфере иным способом. С этой целью пангерманцы манипулировали общественным мнением, вызывая не к партикулярным, сословным, партийным или конфессиональным интересам, а к национальным интересам и необходимости их защиты на общегосударственном уровне. За защиту национальных интересов выступили многочисленные общественные объединения, сформировавшие так называемый «массовый политический рынок». Многочисленные требования этих объединений, появившихся в 80–90-е гг. XIX в., было связано с волной критики внешней политики Германии, а точнее, с нежеланием О. фон Бисмарка заниматься активным колониализмом, подвергая риску, созданную им систему европейского баланса сил. Впрочем, многие общественные объединения так и не решились встать в открытую оппозицию правительству, предпочитая умеренную критику. Пангерманский союз, напротив, с самого начала занял весьма жёсткую позицию по отношению к правительству, а особенно, по отношению к преемникам О. фон Бисмарка.

В третьем параграфе главы – *«Возникновение Пангерманского союза: цели, структура, социальный состав»* прослеживается отражение всех наиболее радикальных общественных требований в программных документах организации. Первоначальный успех Пангерманского союза был связан с тем, что к участию в его деятельности были привлечены наиболее известные в обществе личности. Так же как «викинг» и «пионер» немецких колоний К. Петерс, в Пангерманский союз вошли другие лидеры общественного мнения, чья известность была связана с частным колониализмом. Они были «воспеты» в колониальных романах – новом для Германии литературном жанре, который возник во второй половине XIX в. В отличие от быстро возникавших и так же быстро исчезающих “ферейнов” и “бундов” («обществ» и «союзов»), Пангерманский союз сразу же получил поддержку от ганзейских, рейнско-вестфальских и рурских магнатов, добивавшихся влияния на процесс принятия политических решений. Для немецких промышленников уровня Кирдорфа, Тиссена, Стиннеса или Круппа Пангерманский союз, направляемый высокообразованной академической элитой, стал средством манипуляции правительством, против которого всегда можно было направить «острые языки» пангерманцев (Й. Ляйхт).

В третьем параграфе исследуется инновационный потенциал создания региональной сети филиалов Пангерманского союза. В отличие от политических партий пангерманцы стремились обращаться не только к электорату, выступая накануне очередных выборов, а проводили систематическую и регулярную работу, привлекая новых членов с самыми разными политическими предпочтениями. Пангерманский союз позиционировал себя как внепартийная организация. Исследуется процесс «встраивания» региональной тематики в пангерманскую повестку, а также участие знаковых для немецкой и всеобщей истории личностей в деятельности пангерманских филиалов: Г. Штреземан (Дрезден), М. Вебер (Фрейбург), Ф. Ратцель (Лейпциг), К. Лампрехт (Лейпциг) и др.

Во второй главе **«Пангерманский союз на пути к формированию «национальной оппозиции»** рассматриваются условия перехода Пангерманского союза к широкой «национальной оппозиции». Во много это было связано с укреплением позиций Г. Класа в качестве преемника Э. Хассе на посту председателя. Его назначение в форме аккламации в 1908 г. первоначально привело к смягчению оппозиционной риторики Пангерманского союза. В период с 1910 по июль 1911 гг. пангерманцы контактировали с государственным секретарём по иностранным делам А. фон Кидерлен-Вехтером. В то время как министерство иностранных дел хотело использовать пангерманскую пропаганду в качестве рычага для запугивания Франции на переговорах по Марокко, пангерманцы надеялись на выполнение собственных требований по его аннексии. Однако откровенно радикальный характер военной пропаганды Пангерманского союза нанёс ущерб переговорным намерениям А. фон Кидерлена-Вехтера, чьи попытки сдержать пангерманцев потерпели неудачу. Впоследствии он дистанцировался от пангерманцев и критиковал их требования аннексии за то, что они не были согласованы с министерством иностранных дел. Однако разрыв с

министерством иностранных дел привёл Пангерманский союз к противостоянию имперскому правительству. Для создания широкой общественной оппозиционной платформы пангерманцам потребовалась систематизация идей, возведённая в ранг национальной идеологии. Поворотным моментом стали события 1912 г. На фоне угроз демократизации из-за выборов в рейхстаг, после которых социал-демократы стали самой сильной фракцией, а также разрыва с правительством, Г. Класс систематизировал пангерманские идеи. Его книга «Если бы я был императором: политические истины и необходимости» («Кайзербух»), написанная в апреле 1912 г. и опубликованная под псевдонимом, к 1914 г. выдержала уже пять изданий, разошедшись тиражом в 25 тыс. экземпляров. Книга также структурировала элементы пангерманского мировоззрения, составляющие основу всестороннего политического понимания этнической гомогенизации, антисемитской и расистской исключительности, имперской мировой политики, предвкушения войны и гражданско-военной диктатуры, а также корпоративного экономического порядка под властью экспертного правительства из среднего класса. К. фон Гебзаттель, который связался с Г. Классом благодаря «Кайзербуху» и позже стал одним из его главных его помощников, написал свой собственный труд годом позже. Его меморандум, помимо расистских и антисемитских требований, также включал в себя рассмотрение государственного переворота и установления гражданско-военной диктатуры. Кронпринц Вильгельм Прусский был крайне впечатлён этой идеей и осенью 1913 года установил тесные связи с Пангерманским союзом, в то время как Вильгельм II решительно отверг подобные интриги как «опасный фанатизм». Хотя «Кайзербух» не был официальным документом Пангерманского союза, его основные требования – создание имперской нации, государственный переворот и диктатура, радикальный антисемитизм и этническая гомогенизация, а также имперская экспансия в случае будущей войны – заняли центральное место в деятельности пангерманцев.

В *третьей главе «Пангерманский союз и Первая мировая война»* анализируется развитие пангерманской концепции имперской нации в условиях войны. Начало Первой мировой войны стало для пангерманцев долгожданным условием для фундаментальных изменений в обществе. Помимо внутреннего единения как предпосылки для авторитарной трансформации государства в тени войны, первостепенное значение для Пангерманского союза приобрела территориальная экспансия Германии. Она была призвана расширить территорию рейха и укрепить внутреннее единство нации, сочетая в себе бескомпромиссную германизацию, политику колонизации и переселения народов Европы. Для Пангерманского союза, после Второго Марокканского кризиса 1911 г., имперское будущее Германии лежало уже не на колониальной периферии, а в Центральной и Восточной Европе.

В меморандуме о военных целях рейха Г. Класса, законченном в начале сентября 1914 г., задачи территориальной экспансии были обобщены в комплексной программе. Для Пангерманского союза оккупированные территории были необходимым условием для практической реализации территориальной

экспансии и этнического объединения немцев посредством расселения их на завоёванных землях. Требования «земель, свободных от людей» как на Западе, так и на Востоке, сделали председателя Пангерманского союза пионером этнических чисток. Тесные связи с соседями, с которыми у немцев были общие «племенные корни» (австрийцы, швейцарцы, голландцы), в свою очередь, должны были создать «общегерманское имперское пространство» под контролем рейха. Иерархическая экономическая зависимость посредством таможенных союзов должна была утвердить Германию как экономическую и глобальную державу, прежде всего против России, а также против Франции и Великобритании. Французские и британские колонии в Африке должны были быть включены в новообразованную немецкую «Центральную Африку». Из-за радикальных требований и противоречий с правительством в 1915 г. меморандум был конфискован правительственными властями, а на его автора наложены персональные цензурные ограничения. По этой причине борьба Пангерманского союза с правительством приобрела новый импульс. Она усилилась посредством петиций, меморандумов и брошюр (Ф. Зонтаг, Г. Либиг, П. Банг, Д. Шефер). Эта фундаментальная критика правительства вылилась в так называемое «движение за свержение канцлера Бетман-Гольвега». Пангерманский союз возлагал прямые надежды на мобилизационный потенциал военной элиты, чтобы переложить полномочия по принятию временных решений на военных как решающий центр власти, вытеснив рейхстаг, рейхсканцлера и кайзера. Эти намерения соответствовали планам по установлению диктатуры, которые стали основой политических целей пангерманцев ещё накануне войны.

Наибольшей проблемой для пангерманцев стала мобилизация общества в направлении «победоносного мира», учитывая растущую поляризацию немецкого общества военного времени. В этот момент пангерманцы выбрали антисемитизм как основную стратегию мобилизации. Её решительно продвигал К. фон Гебзаттель, который в сентябре 1918 г. сформировал в Пангерманском союзе «еврейский комитет». Однако усилия по внутренней мобилизации для достижения военных целей не смогли остановить фундаментальную революцию в немецком обществе. Для пангерманцев крах империи 9 ноября 1918 г. был почти неизбежным следствием принципиально ошибочного политического развития со времени отставки О. фон Бисмарка, семена которого теперь проросли с падением монархии. По этой причине новая задача Пангерманского союза стала состоять в борьбе за «возрождение» немецкого народа.

В третьем параграфе третьей главы *«Пангерманцы и правительство Т. фон Бетман-Гольвега»*, в котором речь идёт о широком общественном движении за отставку рейхсканцлера, исследуется оригинальное решение пангерманцами «женского вопроса». Оставаясь сугубо мужской организацией, Пангерманский союз ещё до того как женщины впервые смогли воспользоваться избирательными правами на выборах в Национальное собрание в 1918 г., предоставил женщинам возможность участия в деятельности организации наравне с мужчинами. Однако, придерживаясь традиционного понимания неравного отношения полов, членами Пангерманского союза стали женщины,

которые были известны своей антифеминистической позицией (И. Верде, Ф. фон Порембски, Г. Шеммель, К. Ширмахер, К. Шлекер и др.).

В четвёртой главе **«Критика демократии и консервативная оппозиция Веймарской республики»** анализируется процесс адаптации Пангерманского союза к новым послевоенным условиям. Не приняв Веймарской республики, пангерманцы надеялись утвердиться в качестве авангарда антиреспубликанского фронта. Однако с появлением многочисленных новых военизированных союзов обстановка в радикальном правом движении коренным образом изменилась. После войны пангерманцев всё чаще стали ассоциировать с деятелями «старого режима» времён Вильгельма II. Стремясь изменить ситуацию, пангерманцы спланировали новую стратегию мобилизации, основанную на травматическом опыте войны. С помощью медиаконцерна А. Гугенберга и всё ещё доступных информационных ресурсов Пангерманский союз манипулирует страхами по поводу зависимости Германии от союзников по Антанте, политики исполнения условий Версальского договора, интернационализации, социализации и пролетаризации, которые уничтожали немецкие традиции, лишая немцев их суверенной воли. Пангерманцы едва ли не сразу осознали, что единственный знаменатель, к которому тогда можно было свести всё национальное движение, был негативным. Он гласил: «Покончим с политикой исполнения!» (Э. фон Заломон). Пангерманский союз также содействовал распространению послевоенного мифа «об ударе кинжалом в спину», «сионистском заговоре», «предательстве кайзера и монархии». Антисемитизм стал главной мобилизационной стратегией Пангерманского союза. Для мобилизации своих сторонников Пангерманский союз принимает участие в создании Союза защиты и отпора. Г. Класс, К. фон Гебзаттель, К. Ломан, А. Рот вошли в его учредительный комитет. Создание новой организации было связано с тем, что Пангерманский союз в глазах молодого поколения всё более ассоциировался с «элитарным клубом» довоенного времени. Союз защиты и отпора должен был стать «красивой витриной», оставляя возможность его настоящим руководителям оставаться в тени. Новая организация оказалась весьма популярной, поскольку в первые годы своего существования объединила около миллиона участников. Однако после серии политических убийств (М. Эрцбергер, В. Ратенау) на основании закона о защите республики организация была распущена. Неудачи насильственных попыток государственного переворота убедили руководство Пангерманского союза избрать легальную тактику борьбы с республикой.

С участием пангерманцев была основана Немецкая национальная народная партия, которая должна была лоббировать любые демократические реформы и искать возможности спровоцировать конституционный кризис. В этой логике можно было бы воспользоваться чрезвычайным правом рейхспрезидента республики и учредить диктатуру. Ситуация благоприятствовала пангерманцам после избрания рейхспрезидентом П. фон Гинденбурга в 1925 г. Однако рейхспрезидент отказался стать «орудием» пангерманцев, что вновь актуализировало проблему поиска тактики. На этот раз Пангерманский союз попытался спровоцировать конституционный кризис в рейхстаге, создав с

помощью НННП и НСДАП парламентское большинство. Для этого потребовалось осуществить «захват» партии, которая под руководством К. фон Вестарпа заняла умеренные консервативные позиции и стала сотрудничать с республиканским правительством (депутаты НННП входили в состав правительства Г. Лютера). «Захват партии» пангерманцем А. Гугенбергом произошёл в 1928 г. Однако вместо усиления партии, он привёл к кризису и выходу из НННП авторитетных политиков. Надежды пангерманцев на союз с НСДАП также не оправдались. Инициированный пангерманцами съезд всех правых организаций в Бад-Гарцбурге 11 октября 1931г., который должен был привести к созданию единого антиреспубликанского фронта, показал отсутствие интереса А. Гитлера к любым объединениям. Пангерманской концепции имперской нации национал-социалисты предложили альтернативу – создание народного сообщества не во главе с просвещённой элитой, а во главе с фюрером.

В пятой главе **«Пангерманский союз и Третий рейх»** анализируются условия существования Пангерманского союза в период Третьего рейха, приведшие к утрате его роли и значения. Вместо планов возглавить националистический фронт борьбы с Веймарской республикой Пангерманский союз был вынужден интегрироваться в национал-социалистическое движение. В главе проанализированы этапы взаимоотношений между пангерманцами и национал-социалистами (личные отношения между Г. Классом и А. Гитлером) с начала 20-х гг. вплоть до ликвидации Пангерманского союза в 1939 г. В этих взаимоотношениях можно выделить три этапа: 1) Первый (1929–1930) ознаменовался попыткой Пангерманского союза адаптировать свою стратегию к новым политическим реалиям. Он был связан с намерением объединить правых, включая НСДАП, а также с желанием привлечь широкие массы недовольных республикой. Центральным пунктом деятельности Пангерманского союза на этом этапе стала активная кампания против Плана Юнга. Пангерманцы выступили против любых уступок, призывая к полной отмене репараций и немедленной ревизии Версальского договора. Несмотря на активность, эта кампания оказалась провальной. Её итогом стало падение популярности пангерманской НННП и демонстрация неспособности Пангерманского союза к эффективной мобилизации. Из неудачной кампании выгоду извлекли только национал-социалисты, увеличившие популярность действовавшей весьма сплочённо собственной партии; 2) Второй этап (1931–1933) был отмечен безуспешными попытками Пангерманского союза найти компромисс с НСДАП накануне президентских выборов 1932 г. Национал-социалисты, обладая значительным влиянием после «триумфальных» для них июльских выборов в рейхстаг, не нуждались в поддержке Пангерманского союза и видели в нём конкурента за влияние на общественное мнение. В итоге, попытки переговоров закончились конфликтом и ростом взаимного недоверия. Национал-социалисты стремились к монополизации власти и не терпели конкурентов, а Пангерманский союз представлял всё ещё влиятельную организацию с глубокими корнями в немецком обществе; 3) Третий этап (1933–1939) стал для Пангерманского союза периодом агонии и окончательного распада. После прихода А. Гитлера к власти

пангерманцы оказались перед выбором: либо подчиниться нацистской идеологии с последующей полной интеграцией в партийную структуру, либо бороться за выживание в условиях жёсткого тоталитарного режима. Выбор оказался очевидным. Национал-социалисты быстро приступили к ликвидации всех независимых политических организаций, представлявших собой потенциальную угрозу. Пангерманский союз не стал исключением. Постепенно его члены стали подвергаться преследованиям, а ресурсы – конфискации. Отсутствие массовой поддержки у Пангерманского союза и сложность политической риторики пангерманцев («надо было иметь университетский диплом, чтобы понимать, кого и за что ненавидеть») привели организацию к краху. В условиях Третьего рейха любые попытки интеграции масс под присмотром и управлением образованных «экспертов нации», по сути, уже не могли быть реализованы. Это привело к тому, что пангерманцы фактически вернулись к концепции старой нации, существовавшей на принципах иерархичности и ограниченного участия масс в политической жизни. В то же время пангерманская концепция диктатуры, расового государства и экспансии, уже без участия ликвидированного Пангерманского союза, воплотилась в Третьем рейхе. Участие лидеров Пангерманского союза в правительстве А. Гитлера и национал-социалистическом рейхстаге, даже на правах «гостей», означало то, что пангерманцы фактически интегрировались в «новое государство». В 1939 г. Пангерманский союз был официально распущен, окончательно уступив место нацистской идеологии и НСДАП. Прекращение его деятельности было не просто административным актом, а следствием глубоких идеологических расхождений и борьбы за власть между правыми силами в период формирования национал-социалистской идеологии.

В заключении подведены основные итоги диссертационного исследования.

Пангерманский союз представлял собой важнейшую организационную и идеологическую константу в развитии немецкого национализма от Германской империи до Третьего рейха. Он внёс решающий вклад в распространение и общественное принятие антисемитских, расистских и фёлькишеских взглядов и сформировал идеологическую основу национал-социалистов. Пангерманский союз с идеологией национализма элит («старый национализм») смог сохранить своё влияние на образованный и состоятельный средний класс на протяжении почти пятидесяти лет, пережив два поворотных момента в истории Германии. В то же время Пангерманский союз был открыт для «нового» радикального национализма и внёс значительный вклад в его распространение. Таким образом, Пангерманский союз служил своего рода «связующим звеном» между этими двумя формами национализма.

Пангерманский союз пытался реализовать идеологию имперской нации, оказывая влияние на исполнительную власть. На этом пути, особенно после военного поражения Германии, пангерманцы не исключали политических репрессий, убийств и государственных переворотов. Радикализация идеологии Пангерманского союза привела к тому, что он начал утрачивать поддержку у умеренных элит, которые предпочли интегрироваться в политическую систему

послевоенного немецкого общества. Это не позволяет считать Пангерманский союз «союзом элит» (Ф. Фишер). Только осознав, что этот радикальный подход не пользовался широкой поддержкой и имел мало шансов на успех, Пангерманский союз решил объединить консерваторов-монархистов и радикальных националистов в антиреспубликанский фронт, заняв в нём ведущую позицию. Появление национал-социализма и отказ А. Гитлера «подчиниться», привёл к тому, что пангерманцам самим пришлось интегрироваться в организованное национал-социалистическое движение. В конечном счёте, пангерманский проект имперской идентичности, основанный на расовой политике, диктатуре и территориальном экспансионизме воплотился в Третьем рейхе.

Устоявшееся в историографии мнение о пангерманцах как представителях «вильгельминистского поколения», в соответствии с которым обычно интерпретируются их действия, а чаще всего их неудачи, особенно в условиях новой, послевоенной политической реальности, требует существенного пересмотра с точки зрения самоописания. Пангерманцы были убеждены, что империю невозможно построить на национал-либеральных ценностях, разделяемых их поколением («поколением функционеров»). Более того, прусские порядки преданного служения «трону и алтарю», веры в незыблемость основ сословно-монархического государства и слепого почитания императорской власти как власти данной свыше, утверждавшиеся после 1871 г. в качестве национального эталона, по мнению пангерманцев, также требовали существенного пересмотра. Пангерманцы полагали, что имперской идентичности невозможно достичь до тех пор, пока немцев не убедить в том, что «три иностранных слова: патриотизм, толерантность и гуманизм», появившиеся под влиянием либерализма, вовсе не являлись историческими идеалами. Пангерманцы предложили заменить их на: «национализм» – как господствующее политическое мышление, «народ» – как культурно-историческое, надгосударственное и этнически-гомогенное сообщество (включая нетерпимость к врагам народа и государства), «германство» – как требовавший постоянной защиты идеал высшей человеческой расы. Поведенческие модели пангерманцев, основанные на этих ценностях, для поколения «слишком молодого, чтобы участвовать в объединении Германии, и в то же время слишком старого, чтобы геройствовать на Великой войне», экстраполировались на политическую культуру, которую они желали изменить. По этой причине неизменной задачей Пангерманского союза, как бы ни менялась его программа, всегда оставалось воспитание немецкой нации на идеалах великого народа, способного самостоятельно решать свою судьбу, а не ждать милости правителя, пассивно пожиная результаты его правления. Тактика переоценки ценностей и движения в сторону от либералов стала основой интеграционной стратегии Пангерманского союза.

Колониальные амбиции Пангерманского союза были оправданы не столько экономическим расчётом, сколько потребностью в политизации общественного колониального движения. Связав колониализм с первостепенными интересами нации (социальными, политическими и геополитическими, экономическими, идеологическими, демографическими), от которых, по мнению пангерманцев,

фактически зависело выживание и будущее немецкого народа, Пангерманский союз стремился заручиться широкой общественной поддержкой, чтобы, делая заявления от имени нации, использовать их как аргумент внесистемного давления на имперское правительство. Кроме популяризации немецкого языка, развития науки, поддержки немецких поселенцев, формирования международного признания и уважения к немецким стандартам качества и других задач, которые решали разрозненные колониальные объединения, Пангерманский союз в 1903 г. обосновал политическую цель и методы колониального движения («добиться практического решения задач колониализма»). Следуя этой логике, пангерманцы стремились убедить немцев в том, что каждый из них должен отказаться от роли стороннего наблюдателя. Немцы должны стать политически активными, критически относиться к тому, что политические партии с их специфическим электоратом, нобилитет с предпочтением интересов высшей аристократии или даже сам кайзер, подверженный влиянию придворных (византинистов), были способны мыслить интересами нации. Связующим элементом между Пангерманским союзом и колониальным движением стал К. Петерс – одна из самых узнаваемых и популярных в немецком обществе персон эпохи колониализма.

На основе синтеза расовых и геополитических теорий своего времени Пангерманский союз разработал биополитическую концепцию немецкой нации. В противопоставление расовому дискурсу конца XIX в., обосновывавшему пессимистические ожидания будущего распада общества из-за утраты контроля над репродуктивным поведением человека, пангерманцы предложили оптимистический прогноз, успешную реализацию которого они поставили в зависимость от эффективности государственной политики. Мифологией о «почве», «крови», «нордическом происхождении», «Зигфриде-защитнике» Пангерманский союз последовательно менял мышление немцев в направлении того, что главная задача государства заключалась в защите немецкого народа от превращения в «удобрение для чужих, низших рас». Ошибки и неудачи правительства, как и отсутствие харизматического преемника О. фон Бисмарка, мыслящего категорией нации, намеренно преподносились как деструктивная, вражеская собственному народу политика. Такая риторика способствовала нарастанию политизации, вовлекая в пространство публичной политики разные социальные группы.

Антисемитизм для Пангерманского союза был стратегией внутренней мобилизации немецкого общества. На разных стадиях развития организации у пангерманцев возникали специфические интерпретации антисемитизма. Чаще всего он преподносился с точки зрения достижения имперского мирового господства. Пангерманцы исходили из логики конкуренции между империями, считая главным врагом Германии империю англосаксов по разным сторонам Атлантики. В этой связи антисемитизм довоенного времени интерпретировался как стратегия очищения немецкого народа от тех внутренних врагов, которые действовали в интересах англосаксонского еврейского капитала. В годы войны антисемитизм трактовался как борьба с демократическим движением,

добивавшимся её завершения и, соответственно, поражения рейха. После его распада антисемитизм преподносился как борьба с еврейским революционным большевизмом и в то же время как биополитическая стратегия отбора новой элиты для будущего «этнически чистого государства». Антисемитизм как стратегия внутренней мобилизации зависел не только от имперского, авторитарного и расистского мировоззрения пангерманцев, но и от конкретных контекстов, в особенности от кризисного опыта. В определённой степени антисемитский послевоенный нарратив был связан с потребностью в самозащите, актуальность которой была связана с ростом конкуренции с социал-демократией за идеологическое влияние. Антисемитская радикализация после войны также была стратегией снятия ответственности за собственную политическую некомпетентность и идеологические просчёты. Пангерманская мобилизация на основе антисемитизма выстраивалась за счёт внутренней радикализации (внутренняя чистка, создание «Еврейского комитета» и включение «арийского параграфа» в устав) и внешних связей (Союз против социал-демократии, Союз «Молота», Союз защиты и отпора, Отечественная партия). Обращение к антисемитизму «новых» праворадикальных движений, которые не желали подчёркивать связь с травматическим прошлым, в конечном итоге привело к потере значимости Пангерманского союза.

Для связей с обществом Пангерманский союз создал инновационную модель управления, что, с точки зрения современной историографии, позволило соотнести его с холдинговой компанией. В отличие от политических партий эпохи Кайзеррейха, которые, кроме партийных газет и собраний, проводились лишь от случая к случаю и часто в связи с очередными выборами, Пангерманский союз создал эффективную сеть филиалов по всей стране и за её пределами. Ежегодные собрания повестками и резолюциями структурировали работу по решению конкретных задач, чаще всего с учётом местной специфики. Массовая печать была призвана сформировать общий пангерманский дискурс, относительно которого формировались единые интерпретационные и поведенческие модели. Пангерманская символика, церемонии и ритуалы, как, например, факельные шествия к монументам и памятникам Арминию в Тевтобургском лесу, Зигфриду у горы Драхенфельс и Бисмарку в Гамбурге, привлечение влиятельных политиков и военных к участию в деятельности организации, дополнительные возможности поддержки и карьерного роста – всё это способствовало росту её популярности.

Ошибками пангерманцев в первые послевоенные годы стали попытки продолжить создание имперской нации на основе искажённого понимания реальности. Во-первых, на основе преимущественно эмоционально окрашенных и поэтому кратковременных спекуляций массовыми страхами и осознанного введения в заблуждение по поводу итогов войны. Во-вторых, методами национальной сегрегации на «своих» и «чужих» за счёт радикального антисемитизма. В-третьих, отказом от признания и интеграции всего спектра национальных идей и воззрений тех общественно-политических сил, которые стремились найти себе место в контексте республики (монархисты, фёлькише,

младоконсерваторы, национал-революционеры, бюндише, крестьянское ландфольк-движение, национал-социалисты). В-четвёртых, фундаментальным упущением стало и то, что имперская идеология пангерманцев наделяла политической волей не саму немецкую нацию, а лишь тех её представителей, которые «лучше остальных знали национальные интересы», что само по себе напоминало устаревшие принципы О. фон Бисмарка с его «политикой нотаблей». Это в первую очередь касалось намерений пангерманцев представить немцев как имперскую нацию, особенно после того, как Версаль поставил точку в рассуждениях о колониальном господстве имперского государства.

Элитарная диктатура, которой добивался Пангерманский союз, была необходимой предпосылкой для всеобъемлющего имперского переустройства. Диктатура должна была положить конец внутренним конфликтам, создать гомогенное общество посредством лишения этнических меньшинств их гражданских и избирательных прав. Вместе с тем она должна была остановить процессы модернизации и демократизации, усиливавшие дифференциацию немецкого общества. Поскольку поражение в войне, напротив, стало предпосылкой для демократического переустройства, то попытки насильственного переворота казались единственно возможными. Так как после неудачных попыток переворотов республика всё же выстояла, пангерманцы избрали легальный путь борьбы за диктатуру (чрезвычайный закон, участие в деятельности НННП, объединение правых). Проявление национал-социалистами своих властных амбиций в Бад-Гарцбурге, приведшее к нарушению баланса сил среди правых, а также проблемы личного общения с А. Гитлером обернулись для пангерманцев сомнениями и страхами в том, что они не только утратят влияние на национал-социалистов, но и сами будут сломлены бескомпромиссным и сплочённым нацистским движением. После провала стратегии «укрощения» последней попыткой учреждения пангерманской диктатуры стала «Программа неотложных действий» (1932), предполагавшая воздействие на рейхспрезидента с целью формирования правительственного кабинета под руководством А. Гугенберга. Тем не менее, отсутствие массовой поддержки у Пангерманского союза и сложность политической риторики пангерманцев привели к окончательному провалу этих планов.

Учитывая тот факт, что пангерманский проект создания имперской нации в итоге был частично реализован в Третьем рейхе и без участия самих пангерманцев, которые были интегрированы в национал-социалистическое движение, можно утверждать, что Пангерманский союз сыграл свою роль в изменении политической культуры Веймарской Германии. Пангерманский проект имперской нации стал своего рода альтернативной моделью современности. Об этом свидетельствуют многочисленные контртезисы, на которых она выстраивалась: антисемитизм, антиинтернационализм, антиурбанизм, антифеминизм, антиреспубликанизм и др. Пангерманцы апеллировали к прошлому, к культурно-историческим традициям государства и общества, которые, по их мнению, постепенно растворялись под влиянием чуждого немцам внешнего вмешательства. При этом их модель идеального общественного и

политического устройства в значительной степени оставалась неявной. Наряду с более мягкими и абстрактными элементами, такими как общее прошлое, язык, мифы и коллективная память, существовали и более жёсткие, конкретные основы. Эти основы были сформулированы ещё во времена Кайзеррейха, значительно изменившись в годы Великой войны и Веймарской республики, когда на первый план вышли вопросы крови и расы, которые, как считалось, должны были объединить немцев в имперскую нацию. Такое «объединение» должно было возродить нацию, доказательством чего стала бы успешная имперская экспансия. Упадок и унижение, вызванные Версальским миром, привели к тому, что именно идея расового единства стала основой для восстановления нации.

В соответствии с этим можно утверждать, что в переходный период от Кайзеррейха к Веймарской республике произошли сущностные изменения в идеологических основах пангерманского движения. Если прежде акценты ставились на культурные и исторические аспекты идентичности, то после войны и в условиях политической нестабильности они сместились в сторону более радикальной расовой идентичности.

Пангерманский антисемитизм изображал евреев как угрозу для немцев, как олицетворение всех негативных явлений в немецком обществе. Внешний мир также интерпретировался в теориях заговора через призму угрозы еврейского влияния. Для противостояния подобным угрозам пангерманцами предлагалась политика внутренней сегрегации, способная обеспечить стабильность и безопасность внутри Германии. С помощью антисемитизма пангерманцы стремились показать немцам, что после Великой войны мир стремительно меняется. Антисемитизм делал осязаемыми и понятными происходившие в обществе изменения: демократизацию, пацифизм, космополитизм, технократию, урбанизм и пр. Всё это интерпретировалось пангерманцами как противоречие традиционным ценностям, часто объясняясь посредством всевозможных теорий заговора. Еврей – безродный, бездомный, интернациональный, космополитический и коррумпированный – стал символом современности, маркером стремительных социальных изменений, действовавшим вопреки унаследованной от прошлого традиции. Пангерманцы, соответственно, развивали идеи контридентичности, основанной на страхе перед происходившими изменениями. Созданный пангерманцами негативный образ еврея был противоположен самовосприятию группы «мы», которая определяла себя как немецкий народ или нацию. Соответственно, всё то, что стояло на пути немецкой идентичности в её специфическом понимании пангерманцами, следовало устранить с помощью традиционных для Германии авторитарных форм господства и примата сильного государства над обществом.

Пангерманская концепция государственности трактовалась как идеология превосходства одних над другими. Она рассматривала политику как специфически элитарную сферу деятельности, не подразумевавшую поиска баланса интересов. Послевоенная история Веймарской Германии показала, что подобный подход оказался уже не актуальным, так как он затруднял практическую политику переговоров и поиска компромисса, от которых после

поражения Германии фактически зависело её будущее. Таким образом, послевоенная политическая риторика Пангерманского союза воспринималась многими, особенно представителями молодого поколения, как помеха на пути переговорного процесса и, соответственно, как препятствие стабильному развитию общества в новых условиях. Пангерманцы сыграли немалую роль в том, что после 1918 г. демократическая политическая культура не смогла утвердиться, а республиканская форма правления оказалась подорвана в начале 30-х гг. XX века.

**Основные положения диссертационного исследования отражены в
следующих публикациях:**

Монографии

1. Турыгин А. А. Пангерманский союз и колониальное движение в Германии в конце XIX – начале XX века. Кострома: Костромской государственный университет, 2026. – 204 с.

***Публикации в ведущих периодических научных изданиях,
рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ***

1. Турыгин А. А. Генрих Класс // Вопросы истории. 2012. № 7. С. 152–160.
2. Турыгин А. А. Лидер Пангерманского союза Генрих Класс // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 145–153.
3. Турыгин А. А. «Изобретатели традиций»: пангерманский вариант национальной инкорпорации // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 6. С. 42–46.
4. Турыгин А. А. Газета «Пангерманские листки» – печатный орган Пангерманского союза // Новая и новейшая история. 2013. № 5. С. 165–169.
5. Турыгин А. А. «Щука в пруду с карпами»: к вопросу об уровнях репрезентации власти у пангерманцев // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. № 3(26). URL: <https://history.jes.su/s207987840000716-6-1> (дата обращения 08.02.2026).
6. Турыгин А. А. Национальная диктатура или парламентская демократия: к вопросу об альтернативах развития Германии в годы Веймарской республики (на примере Пангерманского союза) // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 3. С. 386–394.
7. Турыгин А. А. «Если бы я был императором...»: идеи и суждения Генриха Класа о пангерманской альтернативе развития Германии (первая четверть XX века) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3–2(63). С. 57–60.
8. Турыгин А. А. Эволюция внешнеполитических взглядов пангерманцев во время Второго марокканского кризиса // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 6. С. 16–19.

9. Турыгин А. А. От «великодушной поддержки» до «стороннего наблюдения»: к вопросу о тактиках взаимодействия Пангерманского союза Класа с националистами Гугенберга (НННП) в период консервативной революции // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2016. № 2(5). С. 112–127.
10. Турыгин А. А., Хабибова Л. В. Пангерманцы и монархия: критика и видение перспективы // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 4. С. 36–40.
11. Турыгин А. А. «Германская плотина против напора польских волн»: геополитика пангерманизма // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 1. С. 38–44.
12. Турыгин А. А. Правый консерватизм в начале XX века: особенности политической тактики правых консерваторов на примере России и Германии // Всеобщая история. 2020. № 4. С. 58–66.
13. Турыгин А. А. Пангерманский вариант имперской экспансии в конце XIX – первой четверти XX вв.: «национальный вопрос» и «жизненное пространство» как факторы создания германского мира // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 7(93). URL: <https://history.jes.su/s207987840009645-8-1> (дата обращения 08.02.2026).
14. Турыгин А. А. Гугенберг против Эрцбергера: критика финансовой реформы рейхсминистра в веймарском Национальном собрании // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 1(47). С. 128–140.
15. Турыгин А. А., Зимина Е. В. Британский «джинго» и немецкий «викинг»: формирование и рецепция образа «героя колоний» Сесила Родса и Карла Петерса // Диалог со временем. 2021. № 77. С. 261–276.
16. Турыгин А. А. Венесуэла в фокусе пангерманизма. К вопросу о понимании Венесуэльского кризиса (1902–1903) в немецком обществе // Латинская Америка. 2021. № 8. С. 79–91.
17. Турыгин А. А. Отто Любарш и образование Пангерманского союза // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 3(53). С. 138–145.
18. Турыгин А. А. Немецкая медицина, стоматология и пангерманизм // Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 25–43.
19. Турыгин А. А., Ватлин А. Ю., Невский С. И. От демократии к диктатуре: проблемы историографии общественно-политического развития Германии в 1918–1933 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 1(123). URL: <https://history.jes.su/s207987840024419-9-1> (дата обращения 08.02.2026).
20. Турыгин А. А. Пангерманская агитация и Китай: о задачах германской колониальной политики в Китае в конце XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 3 (62). С. 18–27.
21. Турыгин А. А. Пангерманизм: негерманский взгляд на германскую проблему в конце XIX - Первой четверти XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2023. № 1(55). С. 155–162.

22. Турыгин А. А., Ватлин А. Ю., Невский С. И. Вильгельм II и система власти в Германии в конце XIX – начале XX века // Новая и новейшая история. 2023. № 3. С. 7–27.

23. Турыгин А. А. «Мы всегда считали, что наш народ способен на великое достижение»: военные планы пангерманцев в 1914–1918 гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2024. № 4. С. 47–58.

24. Турыгин А. А. «Мне выпала честь послужить армии и отечеству»: генерал Август Кайм и пангерманцы (по материалам воспоминаний) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. № 12–1 (146). URL: <https://history.jes.su/s207987840033763-8-1>

25. Турыгин А. А., Зимина Е. В. Чиновники империи или империя чиновников? О становлении профессионального чиновничества в Европе XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 123–136.

26. Турыгин А. А. Военные цели и планы Пангерманского союза в воспоминаниях Генриха Класа (1868–1953) // Новая и новейшая история. 2024. № 1. С. 78–92.

27. Турыгин А. А. Аксель фон Фрайтаг-Лорингховен: остзейский барон - ярославский профессор – пангерманский депутат // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2025. Т. 19. № 3(73). С. 368–381.

28. Турыгин А. А. Политическая биография одного пангерманца: пример реконструкции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2025. № 3. С. 96–101.

29. Турыгин А. А. Пангерманский союз и воззвания немецких профессоров в 1914–1915 гг. (по воспоминаниям Д. Шефера) // Диалог со временем. 2025. № 90. С. 63–79.

30. Турыгин А. А. Пангерманский союз в воспоминаниях Отто фон Фельдмана // Новая и новейшая история. 2026. № 1. С. 231–244.

31. Турыгин А. А. Людвиг Шеман и пангерманцы (по материалам воспоминаний) // Вестник Брянского государственного университета. 2026. № 1(67). С. 75–85.

32. Турыгин А. А. Пангерманский союз: конец истории? // Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 59–73.

33. Турыгин А. А. Макс Вебер в Пангерманском союзе // Новая и новейшая история. 2026. № 5. С. 61–75.

Основные статьи в прочих научных журналах и сборниках

1. Турыгин А. А. Карл Петерс и пангерманцы // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 20-летию высшего исторического образования в ХМАО–Югре, Нижневартовск, 24–25 октября 2013 года. Нижневартовск, 2013. С. 335–341.

2. Турыгин А. А. Пангерманцы и правительство канцлера Бетман-Гольвега // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы IV

Всероссийской научно-практической конференции, Нижневартовск, 12–13 февраля 2015 года. Ч. I. Нижневартовск, 2015. С. 191–194.

3. Турыгин А. А. Автократия по-византийски: монархическая риторика пангерманцев // История. Общество. Политика. 2017. № 4(4). С. 55–60.

4. Турыгин А. А. «Тайный диктатор» Класс и «повелитель прессы и кино» Гугенберг: к вопросу о выборе тактики политической борьбы // История. Общество. Политика. 2017. № 1(1). С. 15–23.

5. Турыгин А. А. Пангерманцы Класса и консервативная революция в Германии // Консервативные, социальные и либеральные тенденции в партийно-политическом развитии Германии и России: история и современность: Материалы Международного научного семинара, Череповец, 11–12 октября 2016 года. Череповец, 2017. С. 70–85.

6. Турыгин А. А. Пангерманский вариант проекта *Los von Rom*: к вопросу о выборе политической тактики // Христианство в общественной, политической и духовной жизни Германии в XX веке: сборник статей российских и немецких историков. М., 2017. С. 93–101.

7. Турыгин А. А., Хабибова Л. В. Призрак 1866 года и образование Германской Империи // История. Общество. Политика. 2019. № 2(10). С. 36–42.

8. Турыгин А. А., Хабибова Л. В. Конец иллюзий: Пангерманский союз и Третий рейх // История. Общество. Политика. Брянск, 2019. №1(9). С. 84–94.

9. Турыгин А. А. От пангерманской концепции *Großdeutschland* к нацистскому *Generalplan Ost*: к вопросу об исторической преемственности немецкого экспансионизма // Все для фронта, все для Победы!: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 75-летию Великой Победы, Череповец, 27 апреля 2020 года. Череповец, 2021. С. 37–46.

10. Турыгин А. А. Антифеминизм и пангерманизм // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности. Материалы XV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Пенза, 29 сент. – 2 окт. 2022 г. / отв. ред. Н. Л. Пушкарёва, сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко: в 2 ч. М., 2022. Ч. 1. С. 351–354.

11. Турыгин А. А. Пангерманский союз и критика немецкой социал-демократии // История. Общество. Политика. 2023. № 2(26). С. 15–18.

12. Турыгин А. А. «Частное как политическое» в колониальном дискурсе: травелоги Фриды фон Бюлов (1857–1909) // Женское наследие в культурах народов России и мира: Материалы XVII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Махачкала, 26–29 сентября 2024 года. М., 2024. С. 314–318.

13. Турыгин А. А. Идея диктатуры у Генриха Класа и Карла Шмитта // Германия на переломах эпох. Брянск, 2024. С. 212–228.

Статьи в иностранных научных журналах и изданиях

1. Turygin A. Die Alldeutsche Variante der Los-von-Rom-Idee. Zur Frage der Wahl einer politischen Taktik // C. Böhr, C. Crawford, L. Hoffman (Hrsg.). Politik und Christentum – Kohärenzen und Differenzen: Eine russisch-deutsche Sicht auf die Geschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden, 2019. S. 87–96.

Турыгин Александр Александрович

**ПАНГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ И
ФОРМИРОВАНИЕ ИМПЕРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
НЕМЕЦКОЙ НАЦИИ**

Специальность: 5.6.2. – Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Подписано в печать

Формат 60x84 1/16. Бумага писчая. Печать плоская

Усл. печ. л. 1,1 Уч.-изд. л. 0,8 Тираж 100 экз.

Издательство «...»